

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП

ПОСЛЕДНЯЯ ХРОНИКА БАРСЕТА

БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ

Большой роман (Аттикус)

Энтони Тrollop

**Барсетширские хроники:
Последняя хроника Барсета**

«Азбука»

1867

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Троллоп Э.

Барсетширские хроники: Последняя хроника Барсета /
Э. Троллоп — «Азбука», 1867 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34637-6

Энтони Троллоп – британский классик, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин («Троллоп убивает меня своим мастерством», – писал в своем дневнике Лев Толстой), а «Барсетширские хроники» заслуженно считаются едва ли не главным его достижением. «Последняя хроника Барсета» – роман, который сам Троллоп считал лучшей своей книгой. К обычным житейским коллизиям на сей раз добавляется детективный сюжет (должен же был друг Уилки Коллинза попробовать себя и в этом жанре!). Бедного священника обвиняют в краже чека на двадцать фунтов, и барсетширское общество раскололось: одни уверены в его невиновности, другие так же уверены, что он вор, и требуют отстранить его от прихода еще до суда. Тем временем от решения присяжных зависит не только судьба самого священника, но и участь влюбленной пары... Роман печатается с полным комплектом классических иллюстраций Джорджа Хаусмана Томаса, сопровождавших первое издание «Последней хроники Барсета» в приложении к журналу Cornhill Magazine.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34637-6

© Троллоп Э., 1867

© Азбука, 1867

Содержание

Глава I. Как он к нему попал?	7
Глава II. Клянусь небом, пусть только посмеет!	15
Глава III. Угрозы архидьякона	20
Глава IV. Дом священника в Хогглстоке	24
Глава V. Что все об этом думали	29
Глава VI. Грейс Кроули	33
Глава VII. Личная комната мисс Приттимен	40
Глава VIII. Мистера Кроули доставляют в Сильвербридж	47
Глава IX. Грейс Кроули едет в Оллингтон	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Энтони Тrollop

Барсетширские хроники:

Последняя хроника Барсета

Anthony Trollope

THE LAST CHRONICLE OF BARSET

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Иллюстрации Джорджа Хаусмана Томаса

В оформлении обложки использованы фрагменты картин Джорджа Гудвина Килбёрна «Утро перед охотой» и Луизы Ингрэм Рэйнер «Старый мост Элвет»

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Глава I. Как он к нему попал?

– В жизни не поверю, Джон! – объявила Мэри Уокер, хорошенькая дочка сильвербриджского стряпчего мистера Джорджа Уокера.

Уокеры были люди в высшей степени респектабельные и, как это частенько бывает с провинциальными юристами, немного задирали нос. Контора «Уокер и Уинтроп» вела все дела в этой части Барсетшира; сам герцог Омниум пользовался ее услугами. Уокеры жили в большом кирпичном доме в центре города, давали обеды, до которых нередко снисходили сельские джентльмены, и в известной мере задавали сильвербриджскую моду.

– В жизни не поверю, Джон! – объявила мисс Уокер.

– Придется поверить, – ответил Джон, не отрываясь от книги.

– Священник... да еще такой!

– Не понимаю, при чем тут это. – Джон все-таки поднял глаза от книги. – Отчего священнику не оказаться вором, как любому другому? Вы, девицы, вечно забываете, что священники всего лишь люди.

– Как правило, они порядочнее других людей.

– Ничего подобного, – возразил Джон Уокер. – Ручаюсь, у священников в Барсетшире долгов поболее, чем у врачей и юристов. Он всегда был в долгах. Сколько здесь живет, не смел показать нос на главной улице Сильвербриджа.

– Джон, нельзя так говорить, – вмешалась миссис Уокер.

– Матушка, он отдал чек мяснику, который угрожал расклеить по всему графству объявления с суммой его долга.

– Мистеру Флетчеру должно быть стыдно, – возразила Мэри. – Он разбогател на торговле мясом в Сильвербридже.

– И что с того? Каждый хочет получить свои деньги. Флетчер трижды писал епископу и шесть дней кряду посылал человека в Хогглсток требовать плату, прежде чем чего-то добился. Разумеется, лавочник должен думать о деньгах.

– Маменька, ты тоже считаешь, что мистер Кроули правда украл чек?

Задавая вопрос, Мэри подошла к матери и взволнованно заглянула ей в глаза.

– Я предпочла бы не высказываться по этому поводу, милая.

– Маменька, ты же что-то думаешь, когда все об этом говорят.

– Разумеется, матушка считает, что украл, – заявил Джон, возвращаясь к своей книге. – Ей никак невозможно думать иначе.

– Не надо выдумывать мои мысли или высказывать их за меня, Джон, – возмутилась миссис Уокер. – Все дело очень тягостное, а поскольку ваш отец участвует в расследовании, чем меньше о нем говорить в нашем доме, тем лучше. Я уверена, ваш отец того же мнения.

– Конечно, я не стану ничего говорить при нем, – сказала Мэри. – Знаю, папа не хочет, чтобы мы это обсуждали. Но ведь думать-то себе не запретишь! Это было бы так ужасно для всех нас, кто ходит в церковь.

– Я совершенно так не считаю, – возразил Джон. – Мистер Кроули не перестал быть обычным человеком оттого, что он священник. Ненавижу такие глупости. Многие у нас в Сильвербридже считают, что дело следовало замять, раз этот человек носит сан, при котором преступление еще преступнее.

– Но я уверена, мистер Кроули никакого преступления не совершал! – воскликнула Мэри.

– Милая, я только что просила тебя об этом не говорить, – сказала миссис Уокер. – Папа скоро придет.

– Не буду, маменька, только...

– Только! Да, только! – передразнил Джон. – Мэри будет говорить об этом до обеда, если кто-нибудь останется ее слушать.

– На каждое мое слово ты сказал два.

Однако Джон вышел из комнаты еще до того, как сестра закончила фразу.

– Знаешь, маменька, совершенно невозможно об этом не думать, – сказала Мэри.

– Да уж, милая.

– А когда знакома с людьми, то это так ужасно.

– Ты разве с ним знакома? Я в жизни не обменялась с миссис Кроули двумя словами и, кажется, даже не видела ее никогда.

– Я очень хорошо знаю Грейс с тех пор, как она училась в школе мисс Приттимен.

– Бедная девочка. Мне так ее жалко.

– Жалко! Не то слово, маменька. У меня сердце кровью обливается, когда я о них думаю. И все равно я и на секунду не поверю, будто он украл чек. Как такое может быть? Пусть даже он в долгах из-за того, что они очень-очень бедные, мы все знаем, какой он замечательный священник. Пршлый раз, когда Робартсы у нас обедали, миссис Робартс сказала, что в благочестии и преданности делу с ним никто не сравнится. А уж Робартсы знают священников лучше кого бы то ни было.

– Говорят, настоятель – очень близкий его друг.

– Жаль, что Эйрбины в отъезде, как раз когда у него неприятности.

Так мать с дочерью обсуждали, виноват ли священник, хотя незадолго до того миссис Уокер просила больше об этом не говорить. Однако миссис Уокер, как многие матери, с дочерью беседовала свободнее, чем с сыном. Тут вернулся из конторы отец, и разговор прекратился. Мистер Уокер был седой господин на шестом десятке, низенький, корпулентный, но одаренный той личной приятностью, какую обычно дают достаток и уважение окружающих. Те, кого все ценят, как правило, и ведут себя располагающе.

– Я очень устал, дорогая, – сказал мистер Уокер.

– Ты и выглядишь усталым. Присядь на минутку, прежде чем идти переодеваться. Мэри, принеси отцу домашние туфли.

Мэри побежала исполнять просьбу.

– Спасибо, милая, – сказал отец и, как только Мэри отошла настолько, что не могла его слышать, зашептал жене: – Боюсь, этот несчастный виновен. Боюсь, что да! Боюсь, что да!

– О Боже! Что с ними будет?

– Да, что с ними будет? Она сегодня у меня была.

– Вот как? И что ты мог ей сказать?

– Я сказал, что не могу ее принять, и просил не говорить со мной об этом деле. Пытался внушить, что ей надо обратиться к кому-нибудь другому. Бесполезно.

– И чем же все кончилось?

– Я просил ее пойти к тебе, но она сказала, ты ничем ей помочь не можешь.

– А она верит, что ее муж виновен?

– О нет! Верит! Ничто на земле – да и на небе, я полагаю, – не убедит ее, что такое возможно. Она пришла ко мне с одной целью – рассказать, какой он хороший.

– Замечательная женщина.

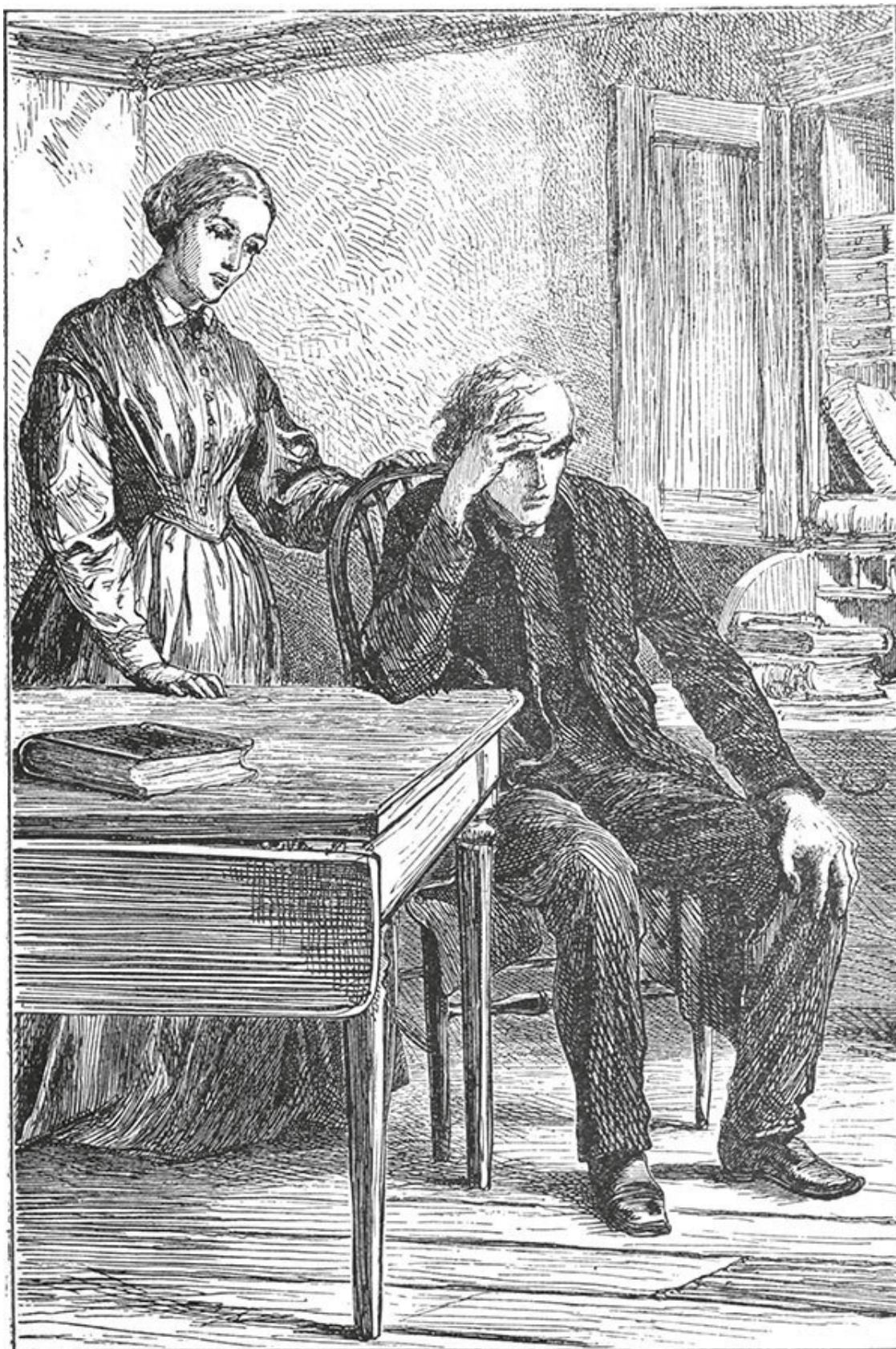
– Согласен. Но какой в этом прок? Спасибо, душенька. Когда-нибудь я тебе тоже принесу домашние туфли.

Все графство обсуждало предполагаемую вину преподобного Джосайи Кроули почти так же бурно, как семейство мистера Уокера в Сильвербридже. Ему вменяли кражу чека на двадцать фунтов, который он якобы похитил из бумажника, забытого либо потерянного в его доме, и рассчитался им с неким Флетчером, сильвербриджским мясником. Мистер Кроули был в ту пору постоянным куратором Хогглстока, прихода на северном краю Восточного Барсетшира. Все, знавшие мистера Кроули, знали также, что он очень беден – несчастный, мрачный, разочарованный человек, на чьи плечи тяготы мира ложились как будто двойной тяжестью. Тем не менее в профессиональном качестве все его неизменно уважали с тех самых пор, как старый друг, мистер Эйрбин, настоятель Барчестерского собора, дал ему нынешний маленький бенефиций. Мрачный, несчастный и разочарованный, мистер Кроули тем не менее усердно подвизался среди бедняков, к которым забросила его судьба, – в Хогглстоке жили по большей части малоимущие фермеры, рабочие кирпичной фабрики и тому подобный люд. К настоящему времени мистер Кроули прослужил в Хогглстоке лет десять и все эти годы очень много трудился, силясь преподавать окружающим, быть может, чересчур много премудрости, но отчасти и утешения, какое дает религия. Нельзя сказать, что все в приходе его любили – такой человек нигде не будет популярен. Я назвал его мрачным и разочарованным. Хуже того, его угрюмость порой граничила с умопомешательством. Бывали дни, когда собственная жена поневоле обходилась с ним как с невменяемым. Фермеры между собой называли своего священника полумумным. Однако среди беднейших жителей прихода, кирпичников Хоггл-Энда – пьющих, грубых, необузданных, – хогглстокский курат пользовался величайшим уважением. Они знали, что он живет бедно, как они, добывает хлеб в поте лица, как они, мир к нему жесток, как к ним, видели его искреннее благочестие и то, как он бьется, чтобы, невзирая на тяготы, исполнить

свой долг. Все это трогало даже грубые сердца, так что многие в приходе уважали мистера Кроули, несмотря на прискорбные особенности его характера. Таким был человек, которого теперь обвиняли в краже чека на двадцать фунтов.

Прежде чем изложить обстоятельства предполагаемой кражи, нужно добавить несколько слов о семействе мистера Кроули. Сказано, что добрая жена – венец для мужа своего, однако миссис Кроули была для него более чем венцом. Во всей домашней жизни – во всей той жизни, которую он проводил не за кафедрой и не за пастырскими посещениями, жена была ему венцом, троном и скипетром. Что она вместе с ним и ради него терпела нужду и все тяготы безрадостной жизни, быть может, не такая уж и заслуга. Она вышла за него к добру или к худу, а жены должны терпеть все, ведь, выходя замуж, они знают, что идут на риск. Мистер Кроули мог стать епископом, и миссис Кроули, выходя за него, возможно, думала, что так, скорее всего, и будет. Вместо этого он на пороге пятидесятилетия служил постоянным куратором с доходом сто тридцать фунтов годовых. Такая доля выпала миссис Кроули, и, разумеется, она все терпела. Однако миссис Кроули делала куда больше. Она сохраняла спокойствие – вернее, силилась казаться спокойной, – когда он бывал особенно несчастен и угрюм. Она всячески скрывала от мужа, что считает его полубезумным, обходилась с ним уважительно, как с главой семьи, и в то же время прощала его, как больного или ребенка. Металл, из которого была сделана эта женщина, закалился в редкую и бесценную сталь, но муж того не видел. Он часто говорил, что она лишена гордости, потому что ради него и детей принимает от других то необходимое, на что у них самих не было средств. Он ругал ее попрошайкой, говорил, что лучше голодать, чем выпрашивать подачки. Миссис Кроули молча сносила упреки, а потом просила ради него, а сама голодала. Уже много лет бедность ее не унижала, но муж каждое новое свидетельство их бедности воспринимал как позор.

Детей у них было много, до той поры дожили трое. О старшей дочери, Грейс, мы в нашем повествовании услышим еще много. Ей недавно исполнилось девятнадцать, и некоторые говорили, что, несмотря на бедность, убогое платье, худобу и детскую несформированность (очертаниям ее тела явно не хватало округлости), Грейс Кроули – самая красивая девушка в здешних краях. Сейчас она жила в Сильвербридже, где последний год преподавала в школе. Поговаривали, что вопреки несчастьям, преследующим ее семью, будущность Грейс Кроули обеспечена – красоту в ее худеньком личике разглядел молодой майор Грантли из Косби-Лоджа, на которого, хоть он и был вдовец с маленьким ребенком, заглядывались все дамы в Сильвербридже и окрестностях. Боб Кроули, на два года младше сестры, учился в Мальборо и собирался поступать в Кембридж. Деньги на обучение обещал дать его крестный, настоятель Эйрбин, и весь свет считал это большой удачей. Однако в глазах мистера Кроули все было плохо. Да, Боб блистал в школе и мог прекрасно показать себя в Кембридже – добиться там огромных успехов. И все же мистер Кроули почти предпочел бы, чтобы мальчик работал в полях, а не учился на средства, столь явно благотворительные. А платье! Как одеть Боба для школы и колледжа? Впрочем, настоятель и миссис Кроули всё решили между собой, по обыкновению миссис Кроули оставив ее мужа в неведении. Была еще младшая дочь, Джейн. Она пока что жила дома и делила время между материным рукоделием и отцовским греческим, штопала белье и училась декламировать эпическую поэзию – ибо мистер Кроули с юности был большой знаток древних языков.

Мистер и миссис Кроули

И теперь на семью обрушилась беда. Что бедный мистер Кроули мало-помалу увяз в долгах, знали все и в Сильвербридже, и в Хогглстоке. Многие знали также, что настоятель Эйрбин против воли мистера Кроули заплатил его долги и мистер Кроули из-за этого с настояте-

лем поссорился, во всяком случае, сделал попытку поссориться, хотя деньги отчасти прошли через его руки. Один из кредиторов, сильвербриджский мясник Флетчер, особенно жестоко наседали на бедного мистера Кроули. Этот мясник, человек, в сущности, не скаредный, прослышал о щедрости настоятеля и заявил, что постоянный курат Хогглстока выказал бы большую гордость, если бы остался в долговой кабале у богатого собрата-священника, а не у мясника. Его слова многие повторяли. Затем мясник принялся засыпать письмами епископа – барчестерского епископа Прауди. Тот поручил своему капеллану на них ответить и довольно резко высказал мистеру Кроули, что думает о священнике, который ест мясо и не платит за него. Однако никакие епископские слова или дела не понудили мистера Кроули расплатиться с мясником. Мистеру Кроули было очень горько получать подобные письма от епископа Прауди, но письма приходили и оставляли незаживающие раны, и ничего не менялось. Наконец мясник пригрозил, если к такому-то числу долг не заплатят, напечатать объявления и расклеить по всему графству. Все в Сильвербридже, кто об этом слышал, очень сердились на мистера Флетчера – где это видано, чтобы лавочник себе такое позволял? Флетчер клялся, что так и поступит, а в свое оправдание напоминал, что с полгода назад, весной, мистер Кроули платил в Сильвербридже другим торговцам, а его обошел. «Он получил деньги от настоятеля в марте, – жаловался мистер Флетчер мистеру Уокеру, – и отдал двенадцать фунтов Грину и семнадцать Гробери, булочнику». Именно семнадцать фунтов, полученные булочником Гробери за муку, и возмутили мясника так, что он вознамерился сокрушить несчастного священника. «Он заплатил Холлу, и миссис Холт, и еще многим, а ко мне даже не заглянул. Если б он хотя бы зашел, я бы не стал поднимать шум». За день перед назначенной датой миссис Кроули пришла в Сильвербридж и отдала мяснику двадцать фунтов четырьмя бумажками по пять фунтов. Таким образом мясник Флетчер своего добился.

Месяца через полтора началось расследование касательно чека на двадцать фунтов, выписанного лордом Лофтоном на своих лондонских банкиров. Чек этот вместе с бумажником еще весной потерял мистер Сомс, порученец лорда Лофтона в Барсетшире. Мистер Сомс полагал, что оставил бумажник в доме мистера Кроули, и еще тогда высказывал полную в том уверенность. Раз в полгода мистер Сомс от имени лорда Лофтона выплачивал мистеру Кроули ренту в двадцать фунтов четыре шиллинга. Лорд Лофтон владел большими хогглстокскими десятинами, за что платил держателю бенефиция сорок фунтов восемь шиллингов в год. Сумму эту мистер Сомс, как правило, пунктуально отсылал по почте, однако в тот раз ему было нужно в Хогглсток по делам, и деньги он отдал мистеру Кроули в руки. Тут никаких сомнений не было. Однако выдал он их чеком, выписанным на собственных банкиров в Барчестере, и этот чек был должным образом разменян на следующее утро. Вернувшись в Барчестер, мистер Сомс заметил пропажу и написал мистеру Кроули, не остался ли бумажник у него. Денег в бумажнике не было, только чек лорда Лофтона на двадцать фунтов. Мистер Кроули ответил, что никакого бумажника у него дома не находили. Все это произошло в марте.

В октябре мистер Кроули заплатил двадцать фунтов мяснику Флетчеру, а в ноябре чек лорда Лофтона проследили до мистера Кроули через барчестерский банк. Туда с этим чеком (выписанным на другой банк, лондонский) пришел хоггл-эндский кирпичник, которого мистер Кроули особо отличал. В первый раз ему отказали, но на другой день он принес тот же чек с подписью мистера Кроули на обороте и запиской от мистера Кроули, после чего деньги ему выдали. Днем позже миссис Кроули расплатилась с мясником Флетчером такими же купюрами. Когда началось расследование, мистер Кроули сказал, что получил этот чек от мистера Сомса в уплату ренты от лорда Лофтона. Неверность этого утверждения обнаружилась сразу. Был чек, подписанный самим мистером Сомсом, на точную сумму – двадцать фунтов четыре шиллинга. Мистер Сомс подтвердил, что в жизни не расплачивался за лорда Лофтона чеками, выписанными его милостью. Чек, полученный от лорда Лофтона и затем утерянный, был их

частным делом. Его милости потребовались наличные, и порученец их ему дал. Мистера Кроули уличили, что он сообщил неверные сведения о том, откуда у него чек.

Мистер Кроули сделался чрезвычайно мрачен и отказался говорить что-либо еще. Однако его жена, ничего не зная о первом его утверждении, объявила, что чек, как ей думается, был частью денег, подаренных ее мужу настоятелем Эйрбином в апреле. Подарок вызвал бурное негодование, и она не посмела говорить на эту тему с мужем. Гробери, булочник, угрожал подать на взыскание долга, и настоятель об этом прослышал. В настоятельском доме между мистером Кроули, настоятелем и миссис Эйрбин произошла сцена, о которой миссис Кроули позже узнала от миссис Эйрбин – та сказала, что мистер Кроули в конце концов согласился взять деньги. Собственно, это явствовало уже из того, что он погасил долги почти на пятьдесят фунтов. Затем денег стал требовать мясник, угрожая ослабить священника на все графство, что, по словам миссис Кроули, привело ее мужа в ужасное состояние духа. Все это она изложила мистеру Уокеру, стряпчему, ведущему расследование. Бедная женщина по крайней мере ничего не скрывала. Как-то утром муж сказал ей, что у него еще остались деньги, которые он надеялся не трогать, и вручил ей четыре пятифунтовые бумажки с поручением пойти в Сильвербридж и удовлетворить человека, алчущего его денег. Произнесено это было так, что миссис Кроули не посмела ничего допытываться, а исполнила поручение, не сомневаясь, что деньги подарены настоятелем. Таков был ее рассказ.

Но как она объяснит первое заявление мужа, оказавшееся совершенно ложным? Такой вопрос задал миссис Кроули мистер Уокер. Стряпчий беседовал с ней очень мягко. На первых порах он хотел лишь установить истину и снять со священника подозрения. Позже, когда дело дошло до официального расследования, он бы не принял миссис Кроули, если бы не ее настойчивость. «Мистер Уокер, – ответила она, – вы не знаете моего мужа. Никто его не знает, кроме меня. Очень трудно рассказывать вам о всех наших бедах». – «Если я могу их облегчить, поверьте, я это сделаю», – ответил стряпчий. «Думаю, никто в мире не может их облегчить. Увы, мой муж подчас не ведает, что говорит. Когда он заявил, что деньги заплатил ему мистер Сомс, он, безусловно, так думал. Бывают дни, когда он из-за своих терзаний сам не понимает, что говорит... когда он ничего не помнит».

До тех пор мистер Уокер не подозревал мистера Кроули ни в чем бесчестном, не заподозрил и тогда. Несчастный, вероятно, получил деньги от настоятеля и солгал, не желая признавать, что принимает помощь богатого друга. Он поступил очень глупо, вот и все. Мистер Сомс смотрел на дело куда менее благодушно. «Как мой бумажник мог попасть к доктору Эйрбину? – почти торжествующе спросил мистер Сомс. – И к тому же я уверен, что оставил его в доме у Кроули!»

Мистер Уокер написал настоятелю, который был тогда во Флоренции по пути в Рим, откуда намеревался ехать в Святую землю. В ответном письме мистер Эйрбин сообщил, что семнадцатого марта в библиотеке своего дома отдал мистеру Кроули пятьдесят фунтов десятью пятифунтовыми ассигнациями Банка Англии. Письмо было коротким, можно даже сказать резким. Мистер Уокер, стремясь помочь мистеру Кроули, просто задал вопрос о передаче денег между настоятелем и его другом, присовокупив, что ответ доктора Эйрбина поможет разрешить одну мелкую загадку касательно чека на двадцать фунтов. В письме стряпчему настоятель привел лишь упомянутые выше факты, но тут же написал мистеру Кроули письмо, в котором просил объяснить, в чем состоит затруднение, и предлагал любую возможную помощь. Он изложил все обстоятельства передачи денег, насколько их помнил. Сумма точно составляла пятьдесят фунтов и точно пятифунтовыми ассигнациями Банка Англии. Деньги он положил в конверт, который не запечатал, но написал на нем имя мистера Кроули и вложил его другу в руки. Дальше настоятель добавил, что миссис Эйрбин тоже бы написала, но она сейчас в Париже с сыном. Миссис Эйрбин останется в Париже на время поездки мужа в Святую

землю, а затем встретится с ним в Италии. Поскольку она значительно ближе, настоятель выразил надежду, что миссис Кроули в случае любых неприятностей обратится к ней.

Для мистера Уокера письмо закрыло вопрос с настоятельскими деньгами. Мистер Кроули не получил чек лорда Лофтона от доктора Эйрбина. Так как же он его получил? Стряпчий велел бедной женщине еще раз порасспросить мужа. Ах, кто сумел бы описать весь ужас сцен между двумя несчастными, когда жена пыталась выяснить правду у полубезумевшего страдальца! В его абсолютной честности она не сомневалась и на миг, не сомневалась и в том, что он пытается говорить правду в той мере, в какой замутненная память позволяет ему отличать правду от вымысла. Муж, по его словам, по-прежнему думал, что получил деньги от настоятеля. То он утверждал, что не хотел их тратить без крайней надобности, то – что забыл о них, поскольку Эйрбин говорил про пятьдесят фунтов, а дал больше. Если эти деньги не от настоятеля, значит их подбросил князь тьмы, дабы окончательно его погубить. Порой несчастный как будто и впрямь верил, что роковой чек попал к нему именно таким способом. Все, что он говорил, было путано, противоречиво, невразумительно, почти как речи безумца. Заканчивал он всегда тем, что не силах больше сносить жестокость мира, что воды поднялись до главы его, и молил Бога смилостивиться и забрать его из этой юдоли слез. Вряд ли надо говорить, что в те дни бедная жена несла на плечах бремя, способное раздавить любую женщину.

Наконец она созналась мистеру Уокеру, что не смогла выяснить, откуда взялись двадцать фунтов. Она сама написала бы настоятелю, если бы надеялась, что он сможет чем-нибудь помочь. «Настоятель ответил очень ясно, – сказал мистер Уокер. – Он дал мистеру Кроули пять десятифунтовых банкнот, и мы знаем, с кем мистер Кроули ими расплатился». На это миссис Кроули ничего сказать не могла, только повторяла, что ее муж ни в чем не виновен.

Глава II. Клянусь небом, пусть только посмеет!

Прежде чем знакомить читателя с семейством мистера Кроули в хогглстокском доме, я попрошу разрешения представить майора Грантли из Косби-Лоджа. Как уже говорилось, майор Грантли был неравнодушен к Грейс Кроули. Многие в округе намекали, что Кроули при всем их благочестивом смирении не так уж простодушны, а кое-кто из Грантли показал себя – мягко выражаясь – не слишком умным. А ведь Барсетшир не знал семьи более искушенной в делах как дольного мира, так и горного, чем та, которую возглавлял архидьякон Грантли. Добрейшая миссис Уокер не понимала, что майор нашел в Грейс Кроули. Мистер Уокер, пожимая плечами, говорил, что у майора Грантли нет за душой ничего, кроме половинного жалования и состояния покойной жены, а это всего лишь шесть тысяч фунтов. Злые языки уверяли, что Грейс Кроули немногим лучше нищенки и ей негде было набраться хороших манер. Мясник Флетчер гадал, заплатит ли майор долги будущего тестя, а старый сильвербриджский ректор доктор Темпест, отец четырех девиц на выданье, морщил стариковский нос и высказывался в том смысле, что отставных майоров запросто не окрутишь.

Так или примерно так говорили сильвербриджцы. Однако дело с большим беспокойством обсуждали и за пределами Сильвербриджа, на семейном конклаве в архидьяконском доме. Для тех, кто еще не знаком с доктором Грантли, скажу, что в ту пору он, как и много лет до того, был архидьяконом Барчестера и ректором Пламстеда. Доктор Грантли всегда жил в богатстве и благополучии, хотя, как мы все, не избежал горьких сожалений – у него они главным образом проистекали от невозможности получить тот высокий сан, которого алкала его душа и к которому вся прошлая жизнь подготовила его как нельзя лучше. Теперь, в первую пору своей старости, архидьякон перестал желать, но не перестал сожалеть. Он уже не желал ничего для себя, но для детей по-прежнему желал много, и брак сына с дочерью Кроули представлялся ему несчастьем почти смертельным. «Меня это убьет, – сказал он жене. – Клянусь небом, это сведет меня в могилу!»

Дочь архидьякона сделала блестящую партию – настолько блестящую, что история была в свое время на слуху у всей английской знати, а те, кто следит за фамильными связями пэров, не забыли ее и до сих пор. Гризельда Грантли вышла за лорда Дубелло, который приходился старшим сыном маркизу Хартлтопу, величайшему из английских аристократов, если мерить величие обширностью земель, обилием замков и числом орденовских лент. Ныне она была маркизой Хартлтоп и матерью собственного маленького лорда Дубелло, а родимый дом навещала редко, поскольку вращалась теперь в совершенно иных сферах. Множество обязанностей не позволяло маркизе часто снисходить до провинциального духовенства, к которому принадлежали ее родители. Те не обижались; выпуская свою счастливую дочь в высшее общество, они знали, что так и будет. Однако со времен своего августейшего замужества она изредка склоняла венчанную главу на подушку в старом ректорском доме, и в те день-два все в Пламстеде бывали счастливы оказанной им честью. Так случилось, что второй и более сильный порыв зловещего ветра – слух, что майор Грантли пленился мисс Грейс Кроули, ставший от повторения еще более убедительным, – достиг ректорского дома в то самое время, когда Гризельда, маркиза Хартлтоп, почтила своим присутствием отцовский кров. Едва ли надо говорить, что отец немедленно обратился за советом и помощью к такой дочери и сестре.

Я не уверен, что мать, будь ее воля, стала бы советоваться с дочерью. Миссис Грантли нежно любила Гризельду и очень гордилась ее успехом, но в последние годы они уже не были близки, как когда-то, что, быть может, вполне естественно. Для архидьякона Гризельда, маркиза Хартлтоп, оставалась дочерью независимо от того, видятся они или нет. Ничто не лишило бы его чести зваться отцом маркизы, даже полное ее отчуждение. Иное дело миссис Грантли. Гризельда очень хорошо устроилась в жизни, и миссис Грантли ликовала, но она утратила дитя.

А вот майор, который тоже устроился неплохо, хоть и не настолько, по-прежнему был ее ребенком, вращался в той же жизненной сфере, что и она, все еще в значительной степени зависел от родительских денег, жил по соседству, часто навещал ректорский дом, и принимали его по-семейному, без тех церемоний, которых требовали редкие наезды маркизы. Оттого-то миссис Грантли, как ни боялась, что сын женится на девушке, стоящей так низко на общественной ступени, не заговорила бы об этом с дочерью. Маркиза в собственной семье, безусловно, могучая опора, но к некоторым советчикам нам не хочется обращаться из опасений, что они подавят нас своей мощью. Миссис Грантли, безусловно, не желала уступать титулованной дочери материнскую власть.

Однако титулованную дочь спросили, и та дала свой совет. В тот визит она соблаговолила провести под родительским кровом целых две ночи, и на второй вечер брат-майор должен был приехать с ней повидаться. Перед его приездом и обсуждали слухи о Грейс Кроули.

– Это разобьет мне сердце, Гризельда, – жалобно проговорил архидьякон, – и твоей матери тоже.

– Про саму девушку ничего дурного сказать нельзя, – заметила миссис Грантли, – и отец ее по рождению джентльмен, но для Генри такой брак был бы крайне нежелателен.

– А тут еще эта ужасная история, – прибавил архидьякон.

– Не думаю, чтобы там правда что-то было, – ответила миссис Грантли.

– Не знаю, не знаю. Сегодня в Барчестере мне сказали, что Сомс будет подавать на него в суд.

– Кто такой Сомс, папа? – спросила маркиза.

– Порученец лорда Лофтона, дорогая.

– Ах, порученец лорда Лофтона! – Имя лорда Лофтона она произнесла с легким оттенком презрения.

– Мне сказали, – продолжал архидьякон, – что, по словам Сомса, чек был из бумажника, забытого им в доме у Кроули.

– Архидьякон, ты же не хочешь сказать, что мистер Кроули – служитель церкви – украл бумажник! – воскликнула миссис Грантли.

– Я ничего подобного не утверждаю, но, даже если мистер Кроули кристально честен, ты не захочешь, чтобы Генри женился на его дочери.

– Безусловно, – ответила мать. – Это был бы неподобающий брак. У бедной девушки нет никаких достоинств.

– Он не может даже расплатиться с булочником. Я всегда считал, что Эйрбин совершил большую ошибку, дав такому человеку Хогглстокский приход. Разумеется, семейному там жить невозможно.

Эйрбином он называл доктора Эйрбина, настоятеля Барчестерского собора. Настоятель и архидьякон были свояками и дружили семьями.

– В конце концов, это могут оказаться просто слухи, – напомнила миссис Грантли.

– Фодергилл только вчера сказал мне, что Генри видится с нею почти каждый день, – возразил отец. – Что нам делать, Гризельда? Ты знаешь, какой он упрямый.

Маркиза смотрела в огонь и покамест молчала.

– Ничего сделать нельзя, но ты должен сказать ему, что думаешь, – заметила мать.

– Возможно, будет лучше, если с ним поговорит сестра, – возразил архидьякон.

На это миссис Грантли ничего не ответила, но дочь прекрасно поняла, что мать верит в нее куда меньше отца. Леди Хартлтоп ничего не отвечала, только сидела с бесстрастным выражением, устремив взгляд на камин.

– Думаю, Гризельда, если ты объяснишь Генри, что он опозорит семью, он устыдится и откажется от мысли об этом браке, – сказал отец. – Он почувствует, что его родство с лордом Хартлтопом...

– Сомневаюсь, что он что-нибудь такое почувствует, – заметила миссис Грантли.

– Я согласна с маменькой.

– Я уверен, что он должен это чувствовать, – упорствовал отец.

Некоторое время все трое молча глядели в огонь.

– Полагаю, папа, ты платишь Генри содержание, – через какое-то время проговорила леди Хартлтоп.

– О да. Восемьсот фунтов в год.

– Тогда, думаю, ты должен ему сказать, что это зависит от его поведения. Маменька, если ты позвонишь в колокольчик, я пошлю за Сесиль и пойду наверх переодеваться.

И маркиза ушла наверх, а примерно через полчаса приехал в догкарте майор. Ему тоже позволили уйти переодеться, а о его ужасающем преступлении не сказали пока ни слова.

– Гризельда права, – объявил архидьякон жене из своей гардеробной. – Она всегда бывает права. Я не знаю молодой женщины разумнее Гризельды.

– Ты же не хочешь сказать, что перестанешь выплачивать Генри содержание? – Миссис Грантли тоже переодевалась и говорила из своей спальни.

– Право слово, не знаю. Как отец я сделаю все, чтобы не допустить подобного брака.

– Но если он женится на ней вопреки твоим угрозам? А он так и поступит, если пообещал.

– Так что, отцовское слово ничего не значит? Слово отца, который дает сыну восемьсот фунтов в год? Если девица узнает, что женитьба на ней его разорит, она не будет настаивать.

– Дорогой мой, ты не хуже меня знаешь, что сдашься через три месяца.

– Почему это я сдамся? Боже всемогущий!..

– Конечно, ты сдашься, и, конечно, мы примем ее здесь, и, конечно, постараемся обернуть все к лучшему.

Мысль о том, чтобы принять Грейс Кроули в собственном доме как дочь, архидьякон снести не мог. Он вознегодовал с новым жаром в голосе и на более близких подступах к своей благоверной. Как есть, в неглиже, он встал в дверном проеме между двумя комнатами и оттуда принялся изливать уверения, что никогда до такого не унижится.

– Ну так знай, если она когда-нибудь сюда приедет, я буду в отъезде. Я никогда ее здесь не приму. Ты можешь делать что хочешь.

– Именно этого я и не могу. Если бы я могла делать, что хочу, я бы сразу это прекратила.

– Мне кажется, ты хочешь его поощрить. Дитя шестнадцати лет!

– Мне сказали, что ей девятнадцать.

– Да хоть бы пятьдесят девять! Подумай, какое воспитание она получила. Подумай, каково будет получить всех Кроули в наш дом навсегда, со всеми их долгами, со всем их позором!

– Я не слышала, чтобы хоть кто-нибудь из них чем-либо себя опозорил.

– Вот увидишь. Про двадцать фунтов уже слышали все. Подумай о нашей милой девочке, которая нас так утешает. По-твоему, прилично, чтобы она и ее муж встретились у нас за столом с такой, как Грейс Кроули?

– По-моему, им это ничуть бы не повредило, – ответила миссис Грантли. – Однако такого в любом случае не произойдет, поскольку муж Гризельды никогда к нам не приезжает.

– Он был у нас в позапрошлом году.

– И я в жизни ни от кого так не уставала.

– В таком случае, видимо, тебе больше по душе Кроули. Всего этого ты набралась у Элинор.

Элинор была жена настоятеля, младшая сестра миссис Грантли.

– Я всегда жалел, что пригласил Эйрбина в нашу епархию, – продолжал доктор Грантли.

– Я не просила его сюда приглашать, архидьякон. Но никто больше тебя не радовался, когда он сделал предложение Элинор.

– Ладно, одним словом, я сегодня же поговорю с Генри и скажу, что, если он наделает глупостей, пусть больше не ждет от меня денег. У него своих примерно шестьсот фунтов в год, и, коли он решил себя загубить, пусть едет жить на юг Франции, или в Канаду, или куда угодно. Здесь его ноги не будет.

– Я всей душой надеюсь, что он не женится на этой девушке, – сказала миссис Грантли.

– Пусть только посмеет! Клянусь небом, пусть только посмеет.

– Но если все-таки женится, ты первый его простишь.

Архидьякон хлопнул дверью и вернулся к своему туалету. Сейчас он очень злился на жену, но привык к этой злости и знал, что на самом деле она ничего не значит, а потому ничуть не страдал. Архидьякон и миссис Грантли прожили в браке больше четверти века и за все это время ни разу по-настоящему не поссорились. Он глубоко уважал ее суждения и безусловно полагался на ее поступки. Никогда у него не было повода пожалеть о часе, когда он на ней женился. Однако она усвоила, что имеет женскую привилегию пускать в ход язык, – и пользовалась этим, не всегда к удовольствию мужа. Сейчас архидьякон сильнее всего досадовал из-за того, что чувствовал ее правоту. «Это будет величайший позор, и я навсегда откажусь с ним видаться», – сказал он себе и, еще не договорив, понял, что не сумеет надолго поссориться с сыном. «Я никогда не соглашусь с ней увидаться... никогда, никогда! – сказал он себе. – И это при тех возможностях, какие открывались для него в доме сестры».

Майору Грантли всю жизнь сопутствовала удача – за тем единственным исключением, что он потерял мать своего ребенка на первом же году брака, через несколько часов после рождения этого ребенка. Очень молодым он служил в Индии и был награжден Крестом Виктории, затем, женившись на девушке с кое-каким состоянием, по совету своей и ее родни ушел с действительной службы. Он купил домик по соседству с отцом, но жена, ради который этот дом был куплен, умерла, не успев его увидеть. Тем не менее майор поселился в Барсетшире, много охотился, немного занимался сельским хозяйством, был в добрых отношениях со всей округой и успешно поддерживал репутацию семьи Грантли, пока – увы – не обратил взор в сторону бедной Грейс Кроули. Он вдовел уже два года и еще не достиг тридцати, поэтому никто не мог сказать, будто он не вправе жениться снова. Никто такого и не говорил. Отец намекнул как-то, что ему надо жениться, и добавил, что, если майору нужна небольшая прибавка к доходу, это вполне осуществимо. «Что мне проку в деньгах? – сказал архидьякон в послеобеденном благодушии. – Они нужны мне только для твоего брата и тебя». Брат майора был священником.

Мать тоже советовала ему поскорее жениться.

– Дорогой мой Генри, – сказала она, – годы идут, а молодость дорогого стоит. Что до маленькой Эдит, она девочка, а значит, почти не помеха. Ты знаешь двух девушек в Чолдикотсе?

– Что, племянниц миссис Торн?

– Нет, они ей не племянницы, а кузины. Эмили Данстейбл очень хорошенькая... а что касается денег...

– А как насчет происхождения, матушка?

– Не бывает все сразу, дорогой мой.

– Я бы предпочел или все, или ничего, – со смехом ответил майор.

И только подумать, что после этого он хотя бы посмотрел в сторону Грейс Кроули – Грейс Кроули, у которой не было ни денег, ни особенно хорошего происхождения, ни даже красоты – по крайней мере, так говорила миссис Грантли – и которая не получила даже обычного образования! С образованием мисс Эмили Данстейбл все было хорошо, и знающие люди подсчитали, что в день свадьбы она получит не меньше двадцати тысяч фунтов.

Матери было тем обиднее, что она уже взялась осуществлять свой маленький план касательно мисс Эмили Данстейбл и поначалу, как ей казалось, успешно, несмотря на слова сына. Дом миссис Торн в Чолдикотсе, который, строго говоря, следовало называть домом доктора

Торна, ибо доктор был мужем миссис Торн, по праву считался одним из лучших в Барчестере. Ни у кого не собиралось столько гостей, сколько у Торнов. Великие семейства графства – Паллисеры, Де Курси, Лофтоны и Грешемы – были, без сомнения, знатнее, а некоторые, возможно, и богаче чолдикотских Торнов (как их называли, дабы отличать от Торнов из Улляторна), однако никто не мог сравниться в приятности обыкновений, в гостеприимстве и непринужденности с доктором и его женой. Когда волею судьбы они стали хозяевами Чолдикотса, очень старой помещичьей усадьбы, и заново его обставили, и завели там новые сады, и теплицы, и водопровод с горячей водой, многие старожилы с презрением от них отвернулись. Так поступила дорогая старая леди Лофтон и очень огорчилась (не сказав, впрочем, о своем огорчении), когда сын и невестка ей изменили, поддавшись чарам докторской жены. Грантли поначалу тоже держались высокомерно, отчасти, без сомнения, под влиянием своей старинной приятельницы, мисс Моника Торн из Улляторна, дамы очень старой школы, которая при всем своем золотом сердце не могла снести, что безродная миссис Торн пользуется такой честью только из-за своего богатства. Мисс Моника Торн оставалась тверда, но миссис Грантли сдалась и, сдавшись, обнаружила, что доктор Торн, и миссис Торн, и Эмили Данстейбл, и чолдикотский дом очень милы. Майор как-то побывал там вместе с ней и чрезвычайно всем понравился. Между ним и мисс Данстейбл, безусловно, зародились некоторые начатки чувства, которые миссис Торн, большая любительница устраивать чужие дела, по всему чрезвычайно одобрила. Все это произошло после того, как миссис Грантли впервые заговорила с сыном об Эмили Данстейбл, но раньше, чем до нее дошли первые слухи о его интересе к Грейс Кроули, и посему она с полным правом надеялась – почти рассчитывала, – что Эмили Данстейбл станет ее невесткой, и тем сильнее огорчилась, впервые услышав про ужасную опасность со стороны Кроули.

Глава III. Угрозы архидьякона

За обедом в старом ректорском доме собралась только семья Грантли – такое желание высказала в письме маркиза. Отец предлагал позвать Торнов из Улляторна как старейших друзей и Грешемов из Боксолл-Хилла и даже пообещал выманить в гости старую леди Лофтон (в прежние годы их с Гризельдой связывала тесная дружба). Однако леди Хартлтоп предпочла побыть с дорогими маменькой и папенькой в семейном кругу. Брата Генри она рада будет увидеть и условиться с ним о кратком визите в Хартлбери, шропширское имение мужа, – о чем, впрочем, после слов отца о возможном союзе с Кроули больше не упоминала. И еще дочь затронула очень больной вопрос, попросив, чтобы ей не пришлось встречаться с дедушкой. Отец ее матери, барчестерский священник мистер Хардинг, был тогда уже в преклонных летах. «Папа бы не приехал, – сказала миссис Грантли, – но я думаю... думаю...» Тут она сдержалась и не сказала, что думает.

– У твоего отца есть причуды. Сам я, как ты знаешь, очень люблю его здесь видеть.

– Не важно, – ответила миссис Грантли. – Не будем больше об этом. Конечно, нельзя желать всего. Мне говорят, что наша девочка исполняет долг в своей сфере жизни, и, полагаю, мы должны быть довольны.

Потом она ушла к себе в спальню и там плакала в одиночестве. До обеда неприятный разговор о Кроули с майором не заводили. Он встретился с сестрой в гостиной, и маркиза позволила поцеловать себя в щечку. «Надеюсь, Генри, Эдит здорова», – сказала сестра. «Да, вполне. И маленький Дубелло, надеюсь, тоже?» – «Да, спасибо, здоров». Больше говорить им было не о чем. Майор никогда не осведомлялся об августейшем семействе и не выказывал и капли благоговения перед женой маркиза. Такого рода подобоострастие Гризельда видела только со стороны отца, из-за чего неосознанно считала, что он воспитан лучше остальных членов ее семьи, а значит, более достоин вращаться в священном кругу, куда она вознеслась. Мы не станем описывать обед, который тянулся довольно скучно. Миссис Грантли пыталась исполнять свою роль в точности, как если бы дочь вышла замуж за соседского помещика, но чувствовала, что все ее усилия натужны и бесполезны. Слуги раболепствовали перед хозяйской дочерью, а сама маркиза двигалась, ела, говорила и пила с холодным величием, которое, думаю, сделалось ее второй натурой, но не стало от этого менее угнетающим. Даже архидьякон, упивавшийся многим из того, что так огорчало его жену, оставшись после обеда наедине с сыном, вздохнул немного спокойнее. Он почувствовал облегчение в тот самый миг, когда сын встал открыть дверь матери и сестре, но в то же время не забывал, что перед ним стоит труднейшая задача, возможно чреватая катастрофой. Его сын Генри был не из тех, кого легко к чему-нибудь направить или от чего-нибудь отвратить. У него была собственная воля, а поскольку он до сих пор твердо стоял на ногах и не наделал в юности серьезных ошибок – никогда не вынуждал отца применить строгую родительскую власть, – то и сейчас не склонен был покоряться.

– Генри, что ты будешь пить? – спросил архидьякон. – Это портвейн тридцать четвертого года, но он не так хорош, как следовало бы. Послать за другой бутылкой?

– Меня он вполне устраивает, сэр. Я ограничусь одним бокалом.

– Я выпью два или три бокала кларета. Однако вы, молодые, заделались такими безнадежными трезвенниками.

– Мы пили за обедом, сэр.

– Кстати, как замечательно Гризельда выглядит.

– О да. Богатым женщинам легко выглядеть хорошо.

Так как же будет выглядеть Грейс Кроули, которая бедна, словно сама нищета, и останется бедной, если Генри по глупости на ней женится? Таков был ход архидьяконских мыслей.

– Я не придаю большого значения богатству, – промолвил он, – но всегда хорошо, если у жены или дочери джентльмена есть средства поддерживать свое общественное положение.

– То же самое, сэр, можно сказать о дочери или жене кого угодно.

– Ты понимаешь, о чем я, Генри.

– Не уверен, что понимаю, сэр.

– Быть может, мне лучше сразу сказать прямо. До меня и до твоей матери дошли слухи, которым мы и на минуту не поверили, но которые тем не менее нас огорчают. Говорят, что ты проявляешь интерес к одной молодой женщине в Сильвербридже.

– Есть ли причина, по которой мне нельзя проявлять интерес к молодой женщине в Сильвербридже? Хотя надеюсь, что любая молодая женщина, к которой я мог бы проявить интерес, достойна по меньшей мере называться молодой дамой.

– Надеюсь, Генри, надеюсь.

– Это я могу обещать, сэр, но ничего больше не обещаю.

Архидьякон глянул сыну в лицо, и сердце у него упало. Голос и глаза сына как будто говорили две вещи: во-первых, что слухи касательно Грейс Кроули не лгут, и, во-вторых, что майор не намерен слушаться родительских увещаний.

– Но ты ни с кем не помолвлен? – спросил архидьякон.

Сын не ответил, и отец повторил вопрос:

– Учитывая наше общее положение, Генри, думаю, если ты помолвлен, то должен мне об этом сказать.

– Я не помолвлен. Если это случится, я при первой же возможности поставлю в известность матушку или тебя.

– Слава Богу. А теперь, дорогой мой мальчик, я могу говорить без обиняков. Молодая женщина, о которой я слышал, дочь того мистера Кроули, который служит постоянным кура-том в Хогглстоке. Я знаю, что это совершенно пустой слух.

– Однако это не пустой слух, сэр.

– Не пустой? Не томи меня, Генри. Что ты хочешь сказать?

– Мне бы не хотелось подвергаться допросу в такой форме. Когда ты выразил радость, что слух ни на чем не основан, я вынужден был тебя поправить, чтобы ты потом не мог говорить, будто я тебя обманул.

– Ты же не собираешься на ней жениться?

– Я, безусловно, не стану обещать, что этого не произойдет.

– Ты хочешь мне сказать, Генри, что любишь мисс Кроули?

Вновь наступила пауза. Архидьякон ждал ответа, но майор молчал.

– Должен ли я понимать, что ты намерен унижить себя браком с молодой женщиной, которая никак не могла получить приличествующего даме образования? Я не говорю, что это неразумно, что у нее нет денег, что тебе придется содержать целое нищее семейство, не говорю о долгах и репутации отца, хотя, насколько я понимаю, сейчас на нем лежит обвинение в... в... в... боюсь, я должен назвать это прямым воровством.

– Прямым воровством, безусловно, будь он виновен.

– Об этом я ничего не говорю, но касательно самой девицы...

– Я в жизни не встречал более образованной девушки.

– Генри, я имею право ждать, что ты будешь со мной честен.

– Я с тобой честен.

– Собираешься ли ты делать ей предложение?

– Я не считаю, что у тебя есть право задавать мне такой вопрос.

– По крайней мере у меня есть право сказать, что, если ты настолько опозоришь себя и меня, я сочту своим долгом прекратить всякую поддержку, какую дает тебе мое... моя... моя регулярная помощь.

– Должен ли я понимать, что ты перестанешь платить мне содержание?

– Безусловно.

– В таком случае я буду считать это чрезвычайно несправедливым. Ты советовал мне уйти из армии.

– Не для того, чтобы ты женился на Грейс Кроули.

– Я настаиваю на привилегии мужчины моих лет жениться на ком угодно. Мисс Кроули дама. Ее отец священник, как и мой. Ее отец – старейший друг моего дяди. Против нее нет решительно ничего, кроме того, что она бедна. Я в жизни не слышал о такой жестокости со стороны отца.

– Очень хорошо, Генри.

– Я всегда старался исполнять свой долг по отношению к тебе и к матушке. Ты можешь обходиться со мной, как пожелаешь, но на мои поступки это не повлияет. Можешь завтра перестать выплачивать мне содержание. Я еще не решил сделать предложение мисс Кроули, но теперь сделаю его завтра же утром.

Все это было и впрямь очень плохо, и архидьякон пришел в сильнейшее расстройство. Он не был на самом деле жестокосердным. Он горячо любил своих детей. Если бы нежелательный брак все же состоялся, архидьякон поступил бы в точности, как предсказывала его жена. Он не остановил бы выплаты даже на три месяца и, как ни убеждал себя, что так и поступит, в душе чувствовал, что подобная суровость выше его сил. В деньгах он был щедр – поскольку очень не любил бедность – и не сумел бы спокойно смотреть, как его сын нуждается. Однако ему очень хотелось употребить власть.

– Генри, ты очень дурно со мной поступаешь, очень дурно, – продолжал он. – Я всегда заботился о благополучии моих детей. Считаешь ли ты, что мисс Кроули будет достойной невесткой для милой девочки наверху?

– Безусловно. И ей, и кому угодно. Только Гризельда, в отличие от мисс Кроули, неумна и потому не сумеет ее оценить.

– Гризельда неумна! Боже милостивый!

Вновь наступила пауза, и, поскольку майор молчал, отец продолжил уговоры:

– Очень, очень тебя прошу, подумай о моих и матушкиных желаниях. Ты себя еще не связал. Пожалуйста, подумай о нас, пока не поздно. Я охотно удвоил бы твое содержание, женись ты на ком-то, чье имя можно произнести в нашем доме.

– Мне довольно нынешнего содержания, если только я буду знать, что его не отнимут у меня по капризу.

Архидьякон машинально наполнил бокал и отпил вина, раздумывая, как быть дальше. Возможно, лучше не продолжать этот разговор. Однако майор, который не отличался сдержанностью, настаивал:

– Могу ли я считать, что ты взял свою угрозу назад и моему содержанию ничто не угрожает?

– Что, если ты на ней женишься?

– Да, сэр. Буду ли я получать содержание, если женюсь на мисс Кроули?

– Нет.

Отец торопливо встал, сердито отодвинул графин и без единого слова ушел в гостиную. Остаток вечера прошел очень тоскливо. Архидьякон изредка обращался к дочери, та отвечала односложно. Майор угрюмо сидел в сторонке и ни с кем не разговаривал. Миссис Грантли понимала, что произошло, и знала, что сейчас мир в семье не восстановить никакими средствами, поэтому сидела у камина и вязала. Ровно в десять все разошлись спать.

– Дорогой Генри, – сказала мать сыну на следующее утро, – подумай о себе, и о своем ребенке, и о нас, прежде чем предпринять какой-нибудь значительный шаг.

– Хорошо, матушка.

С этим словами майор вышел, надел плащ, сел в догкорт и укатил в Сильвербридж. Когда он уезжал, маркиза еще не спустилась из спальни, но в одиннадцать она позавтракала и тоже отбыла. Дети не слишком порадовали бедную миссис Грантли своим визитом.

Глава IV. Дом священника в Хогглстоке

Миссис Кроули пришла к мистеру Уокеру, стряпчему, пешком, а обратно тот любезно отправил ее в открытой коляске своей жены. Вести она доставила мужу самые прискорбные. В ближайший четверг (была пятница) мировые судьи соберутся на заседание, и мистеру Кроули желательно перед ними предстать, дабы ответить на обвинения мистера Сомса. Ему пришлют повестку, которой он может подчиниться по доброй воле. Среди вопросов, которые Уокер обсуждал с миссис Кроули, многие требовали очень тщательного выбора слов, дабы изложить несчастной факты, не слишком раня ее чувства. Придет ли мистер Кроули сам, или мировые судьи вынуждены будут отправить за ним полицейского? Они уже выписали ордер на задержание, однако согласились с мистером Уокером, что можно прибегнуть к более мягким средствам, поскольку едва ли преподобный джентльмен попытается сбежать. Может ли миссис Кроули пообещать, что ее муж придет? Миссис Кроули пообещала, что либо ее муж придет в четверг, либо она в начале недели сообщит, что не сумела его уговорить. Потом мистер Уокер сказал, что мистеру Кроули стоит нанять адвоката. На это миссис Кроули умоляюще посмотрела мистеру Уокеру в лицо и попросила его взять дело ее мужа. Мистер Уокер, разумеется, вынужден был объяснить, что уже нанят другой стороной. Он взялся представлять интересы мистера Сомса и при всем своем желании уменьшить страдания несчастной семьи не может

отказаться от этих обязательств. Впрочем, он назвал другого адвоката и отправил миссис Кроули домой в экипаже своей жены. «Боюсь, этот несчастный виновен. Боюсь, что да», – сказал мистер Уокер жене через десять минут после ухода посетительницы.

Миссис Кроули не позволила довести себя до садовой калитки, но вышла из экипажа ярдов за триста до своего дома, а оттуда дошла пешком. Было почти шесть часов дождливого декабрьского вечера, и, несмотря на платки и шали, которыми ее укутали, до двери она добралась мокрая и продрогшая. Как ни мало ей хотелось усугублять семейные беды собственной болезнью, она не могла уйти к себе в комнату, не поговорив с мужем. Он сидел в их единственной гостиной слева от коридора, если смотреть от входной двери, и с ним была их дочь Джейн чуть младше шестнадцати лет. Света в комнате не было, огонь почти совсем прогорел – лишь изредка в золе вспыхивали последние искорки. Отец сидел сбоку от камина в старом кресле и за последний час не произнес и слова. Дочь входила и выходила; время от времени она пыталась с ним заговорить, но он ничего не видел и не слышал. Когда на дорожке перед домом раздались шаги миссис Кроули, Джейн стояла на коленях перед камином, держа отца за руку выше запястья; она пыталась вложить свою ладонь в его, но он то ли не заметил этого, то ли нарочно не дался.

– Вот наконец и маменька! – воскликнула Джейн, вскакивая в тот миг, когда мать вошла в дом.

– Вы там все в темноте? – спросила миссис Кроули, пытаясь говорить так, чтобы ее голос не прозвучал скорбно.

– Да, маменька, мы все в темноте. Папенька здесь. Ой, маменька, как ты промокла!

– Да, душа моя. На улице дождь. Принеси из кухни свечу, Джейн, и я через две минуты поднимусь к себе.

Когда Джейн вышла, жена в темноте подошла к мужу.

– Джосайя, – сказала она, – почему ты со мной не разговариваешь?

– О чем мне говорить? Где ты была?

– В Сильвербридже. Я ходила к мистеру Уокеру. Он по крайней мере очень добр.

– Мне не нужна его доброта. Мне не нужна ничья доброта. Мистер Уокер, если не ошибаюсь, стряпчий. Добр, скажешь тоже!

– Я имела в виду – участлив. Джосайя, давай в трудную минуту делать, что можем. В нашей жизни случались такие же тяжелые беды.

– Ни одна из них не раздавила меня, как эта. Ладно, что мне делать? Отправлюсь ли я в тюрьму – сегодня?

Тут вернулась дочь со свечой, и мать не могла ответить сразу. На всем в гостиной лежал отпечаток бедности. Ковер, который постелили девять-десять лет назад, когда Кроули сюда въехали, уже тогда не новый, мало-помалу протерся до дыр, и теперь о нем напоминал лишь жалкий кусок перед камином. Посреди комнаты стоял стол, некогда большой, но одна его откидная доска давно отсутствовала, другая накренилась к полу – ее ножки ослабели от старости. Были еще два-три маленьких стола, да и те пришлось для устойчивости придвинуть к стене. В дальнем конце комнаты располагалось то, что называли «папенькиным секретером». За ним мистер Кроули обычно писал проповеди и делал всю остальную работу, какой занимался дома. Мастер, сработавший его в прошлом веке, задумывал хранилище для документов в доме некоего главы семейства, однако у мистера Кроули секретер всегда стоял открытым и, помимо небольшого пространства для письма, был завален до крайности затрепанными книгами, по большей части утратившими переплеты. Здесь были два случайных тома Еврипида, Новый Завет на греческом, «Одиссея», Пиндар в одну двенадцатую и миниатюрный Анакреонт. Еще была половина Горация – отсутствовали две первые книги «Од» в начале и «Об искусстве поэзии» в конце. Был маленький кусок от одного тома Цицерона. Были двухтомные «Записки» Цезаря, чей прочный переплет выдержал испытание временем и семейством Кроули.

ули. Все они громоздились на секретере вместе с разрозненными томами проповедей и тому подобного, но греческие и латинские книги лежали сверху и были самыми зачитанными. В комнате имелось одно кресло – то, что раньше называли виндзорским стулом; на сиденье для мягкости лежала старая подушечка. В этом кресле сидел мистер Кроули, когда они с женой бывали дома вместе, и миссис Кроули, когда он отсутствовал. Был старый диван, набитый конским волосом, по большей части вылезшим, но и он, как столы, нуждался в поддержке дружелюбной стены. Завершали меблировку пять или шесть разномастных стульев. Не в такой комнате нам хотелось бы видеть священника англиканской церкви, но те, кто знает цену деньгам, поймут, как легко семейный человек с годовым доходом сто тридцать фунтов может дойти до подобной жизни. Если вспомнить, что три фунта мяса в день по девять пенсов за фунт – это сорок фунтов в год, нетрудно понять, как такое случается. Хлеб на семью обойдется по меньшей мере в двадцать пять фунтов. Платье на пятерых, из которых по меньшей мере один должен одеваться как джентльмен, едва ли сыщешь дешевле десяти фунтов в год на человека. Остается пятнадцать фунтов на чай, сахар, пиво, прислугу, образование, развлечения и тому подобное. В таких обстоятельствах джентльмену трудно обновлять мебель!

Миссис Кроули не могла ответить мужу при дочери, поэтому должна была придумать новый предлог, чтобы ее отослать.

– Джейн, милая, – сказала она, – отнеси мои вещи в кухню, я переоденусь у огня. Я приду через две минуты, только поговорю с папенькой.

Девочка тут же ушла, и тогда миссис Кроули ответила мужу на вопрос:

– Нет, дорогой, о том, чтобы отправить тебя в тюрьму, речи нет.

– Но будет.

– Я пообещала, что ты предстанешь перед сильвербриджскими мировыми судьями в четверг, в двенадцать часов. Ты пойдешь?

– Пойду ли я! Полагаю, ты хочешь сказать, что я должен туда пойти. Придет ли кто-нибудь меня забрать?

– Никто не придет. Только ты должен пообещать, что будешь там. Я за тебя поручилась. Ты ведь пойдешь, правда?

Она наклонилась над мужем и приобняла его, ожидая ответа, но он молчал.

– Ты скажешь мне, что сделаешь то, в чем я за тебя поручилась?

– Я думаю, пусть лучше меня приведут. По своей воле я не пойду.

– Тогда полицейские явятся за тобой в приход! Мистер Уокер обещал мне прислать за тобой фаэтон. Он сегодня отправил меня в нем домой.

– Мне не нужен ничей фаэтон. Если я пойду, то пешком. Даже будь расстояние вдесятеро длиннее, даже не останься у меня обуви, я пошел бы пешком. Если я все же пойду туда по своей воле, то ногами и никак иначе.

– Но ты пойдешь?

– Что мне до прихода? Что мне до того, кто меня увидит? Я не могу пасть ниже, чем теперь. Все всё знают.

– Без вины нет позора, – сказала его жена.

– Все считают меня виноватым. Я вижу по их глазам. Дети знают, я слышал, как в школе они перешептываются: «Мистер Кроули взял чужие деньги». Я сам слышал, как девочка так говорила.

– Какая разница, что говорит девочка?

– И при этом ты хочешь, чтобы я ехал в Сильвербридж в роскошном экипаже, будто на свадьбу. Если я им нужен, пусть приведут меня, как любого другого. Я буду ждать их здесь – если не умру раньше.

Тут снова вошла Джейн и стала уговаривать мать, чтобы та переменяла мокрую одежду, и миссис Кроули ушла с дочерью в кухню. Краснорукую девочку – их единственную служанку – отослали, и мать с дочерью принялись обсуждать, как им повлиять на главу семьи.

– Маменька, все должно закончиться хорошо, ведь правда же?

– Надеюсь, что да. Думаю, да. Но пока еще не пойму как.

– Папенька не мог сделать ничего дурного.

– Не мог, душенька, он ничего дурного не сделал. Он допустил большие ошибки, и трудно убедить людей, что он не говорил неправду нарочно. Он постоянно думает о другом, о школе, о проповедях, оттого и забывает.

– И еще о том, какие мы бедные, маменька.

– Ему о стольком надо думать, что он забывает то, о чем помнят другие. Он сказал, что получил деньги от мистера Сомса, и, конечно, он так думал.

– А как он их получил, маменька?

– Ах... если бы я знала. Вроде бы я должна знать про каждый шиллинг в доме, но я ничего не знаю о чеке – откуда он взялся.

– А папенька тебе не скажет?

– Он сказал бы, если бы знал. Он думает, что чек от настоятеля.

– А ты точно знаешь, что это не так?

– Да, точно. Настолько точно, насколько можно что-нибудь знать. Настоятель сказал мне, что даст ему пятьдесят фунтов, и дал. Я держала их в руках. И он об этом написал.

– А не мог чек быть частью пятидесяти фунтов?

– Нет, душа моя.

– Так где папенька его взял? Может быть, он подобрал его и забыл?

На это миссис Кроули ничего не ответила. Мысль, что муж нашел чек – подобрал его, как выразилась Джейн, – приходила в голову и ей. Мистер Сомс был уверен, что обронил бумажник в их доме. Миссис Кроули всегда недолюбливала мистера Сомса, считая, что он груб, жесток и вульгарен. Она легко бы поверила в его нечестность, если бы таким образом могла примирить то, что муж говорит правду, с тем, что чек оказался у него. Но у нее ничего не получалось. Даже если Сомс с дьявольским умыслом подложил чек ее мужу в карман, это не объясняло, отчего муж, найдя у себя чек, пустил его в ход. Ей приходилось изобретать оправдания, но она знала, что они не убедят никого, кроме ее самой. Муж сказал, что чеком расплатился с ним мистер Сомс. Это явно было ошибкой. Он сказал, что чек подарил ему настоятель. Это тоже явно было ошибкой. Миссис Кроули знала или думала, будто знает, что ее муж по своему складу может делать такие ошибки, но при этом не лгать – настолько она была уверена в том, что разум его порой работает не как у других. Но в таком случае она вынуждена была поверить, что возможно почти что угодно. Возможно, Сомс прав. Или он выронил не бумажник, а чек. Она легко готова была допустить, что Сомс ошибся в деталях, если это позволяло ей оправдать мужа. Если для ее теории Сомсу требовалось быть негодяем, он становился негодяем последнего разбора. Может ли быть, что чек попал к ее мужу таким образом, а тот через некоторое время решил, будто получил его от своего друга-настоятеля? А если так, можно ли убедить в этом остальных? Она твердо верила, что некоторые ошибки легко бы разъяснились, будь рас-судок ее мужа постоянно ясен, и объяснения не находятся лишь потому, что временами его разум мутится. Однако, прибегнув к такой линии защиты, она должна была бы сказать, что он сумасшедший и не в силах управиться с собственными делами. Получалось, что он будет перед миром либо вором, либо безумцем. Однако жена знала, что это не так. Что он не вор, ей было ясно как день. Могла ли она прожить с ним двадцать лет и не узнать тайны его сердца? Вся его душа, говорила она себе, для нее открыта. Он мог взять двадцать фунтов, мог взять их и потратить, хотя они чужие, и все же он не вор. Но он и не безумец. Никто более здраво не проповедовал Господне Евангелие, не разъяснял невежественным обетования Спасителя, не

учил в приходской школе. Его интеллект был безупречен во всем, что не относится к повседневной жизни и ее трудностям. Он мог быть логичен донельзя – и бесконечно мучил этим жену, которая, при всей своей разумности, логичной не была. И он знал греческий как свои пять пальцев, о чем было очень хорошо известно его дочери. Даже и сейчас он порой декламировал им английские стихи, строчку за строчкой, строфу за строфой, тихим мелодичным голосом долгими зимними вечерами, когда бремя забот тяготило его меньше обычного. На латыни и французском он читал, как на родном языке, и с огромным удовольствием, когда соглашался брать книги из библиотеки настоятеля. Даже радость была порой ему не чужда. Прошлой зимой он перевел греческим одическим стихом замечательную балладу о лорде Бейтмене, сохранив рифмы и ритм, и с неловкой веселостью повторял ее, пока дочь не выучила все наизусть. А когда восхищенный издатель журнала передал за балладу пять фунтов – правда, опять-таки через настоятеля, – мистер Кроули воспрял духом и час или два верил, будто мир еще может ему улыбнуться. Жена прекрасно знала, что он не безумен, но знала, что у него бывают помрачения и тогда несправедливо требовать отчета в том, что он помнит и чего не помнит. Как объяснить это судье и присяжным, чтобы они не сочли его ни лгуном, ни сумасшедшим? «Может, он подобрал чек и забыл», – сказала дочь. Возможно, так и было, но миссис Кроули не могла пока признать этого даже перед собственным ребенком.

– Это загадка, душа моя, и, с Божьей помощью, она разрешится. В одном мы по крайней мере можем быть уверены: твой папенька не сделал бы сознательно ничего дурного.

– Конечно, маменька, мы в этом уверены.

В следующие четыре или пять дней миссис Кроули терзало множество забот, и, возможно, более всего она тревожилась из-за воскресной службы между днем, когда она ходила в Сильвербридж, и предстоящим заседанием мирового суда. По субботам муж составлял проповеди – их он каждое воскресенье читал две, хотя его паства, состоящая из фермеров, кирпичников и полевых работников, охотно обошлась бы без второй. Миссис Кроули предложила попросить, чтобы мистер Робартс, пастор соседнего прихода, прислал своего младшего священника. Мистер Робартс был близким другом семьи Кроули и в столь бедственном случае, вероятно, приехал бы сам. Однако мистер Кроули не пожелал о таком и слышать. Разговор произошел в субботу рано утром, еще до света, потому что несчастная женщина день и ночь думала о своем муже, и оказал благотворное действие. Мистер Кроули сразу после завтрака сел за стол и, углубившись в работу, позабыл обо всем на свете.

Утром воскресенья он, как было у него заведено, пришел в школу до службы и вел уроки, будто ничего не случилось. Некоторые дети не пришли – они слышали, какая беда стряслась у их учителя, и матери, вероятно, сказали им, что его не будет. За этими отсутствующими он послал в большом гневе. Несчастные явились, ибо мистер Кроули, несмотря на свою бедность, умел внушить уважение. И проповедовал он в то воскресенье, как всегда, – с чувством и тем красноречием, которое наиболее внятно его слушателям. Никто не догадался бы по тону и жестам, что у него что-то неладно – разве что очень внимательный наблюдатель отметил бы более чем обычное тщание, особую пылкость, особое состояние ума.

После церковных служб он вновь сник и не выходил из этого состояния до рокового дня.

Глава V. Что все об этом думали

Мнения о виновности или невиновности мистера Кроули в Сильвербридже, Барчестере и по всему графству очень разнились. До визита миссис Кроули в Сильвербридж дело особо не обсуждали. Надо отдать мистеру Сомсу должное – он вовсе не стремился к судебному разбирательству против священника, но обстоятельства его вынудили. Когда первый чек пропал, лорд Лофтон прислал ему другой на ту же сумму, так что убытки легли на его милость. Чек, разумеется, отследили и выяснили, что он предъявлен к оплате по поручению мистера Кроули. Когда мистер Кроули объявил, что получил его от мистера Сомса, мистер Сомс вынужден был это утверждение опровергнуть. Затем мистер Кроули сказал, что деньги дал ему настоятель, а из письма настоятеля стало ясно, что и это неправда. Мистер Сомс был убежден, что оборонил бумажник в доме у Кроули, и ему ничего не оставалось, кроме как продолжать расследование. Он делал это без лишнего шума, однако ко дню заседания мирового суда в Сильвербридже о деле заговорили по всему графству, и мнения разделились.

Весь Хогглсток считал, что их пастор невиновен, но весь Хогглсток считал его сумасшедшим. В Сильвербридже лавочники, которым он до сих пор оставался должен, хором объявили его невиновным. Они знали его довольно близко и не верили, что он вор. Все сильвербриджские дамы тоже были убеждены в его невиновности. Они считали невозможным, чтобы такой человек украл двадцать фунтов. «Дорогая моя, – сказала старшая мисс Приттимен бедной Грейс Кроули, – в Англии, где законы хороши, невиновного джентльмена точно не осудят, а твой отец, разумеется, невиновен. Так что тебе не стоит тревожиться». – «Это разобьет папеньке сердце», – ответила Грейс и продолжала тревожиться. Однако сильвербриджские джентльмены были суровей и полагали, что мистер Кроули, хоть он джентльмен и священник, точно виновен. Мистер Уокер, главный юридический светоч Сильвербриджа, отказывался с кем-либо об этом говорить, из чего все, кто что-либо значит, сделали вывод, что мистер Уокер считает мистера Кроули виновным. Если бы мистер Уокер верил в его чистоту, то так бы прямо и говорил. У Джона Уокера, имевшего привычку посмеиваться над добротой отца, сомнений не было. Мистер Уинтроп, компаньон мистера Уокера, качал головой. Мистера Уинтропа никто не ставил высоко, за исключением некоторых незамужних дам, ибо мистер Уинтроп был состоятельный холостяк. Мистера Уинтропа не уважали, но он должен был что-то знать о деле, и качание его головы ясно указывало на виновность. Доктор Темпест, сильвербриджский ректор, прямо высказывал свое убеждение, что хогглстокский пастор украл чек. Никто ни уважает священника меньше своего брата-священника. Доктора Темпеста не очень удивляло и не слишком ужасало, что мистер Кроули украл двадцать фунтов. «Что человеку делать, когда его дети голодают? – говорил он. – Ему не следовало жениться, будучи священником такого прихода». Впрочем, мистер Кроули женился задолго до того, как получил Хогглстокский приход.

Во Фрамли-Корте, барсетширском имении лорда Лофтона, жили в ту пору две леди Лофтон – свекровь и невестка, и обе твердо верили в невиновность мистера Кроули. Старшая дама тесно общалась с духовенством, и, думаю, ее никакими силами нельзя было убедить в виновности человека, рукоположенного англиканской церковью. Мистера Кроули она знала лично уже несколько лет и ни за что бы не признала, что кто-то в ее близком кругу может совершить преступление. Она пылко верила в испорченность внешнего мира – того мира, который далеко и с которым она никогда не соприкасалась, однако все близкие и дорогие, все, кого она любила или хотя бы уважала, обретали в ее воображении святость. Они были допущены во внутренний круг, откуда их нельзя извергнуть. Старая леди Лофтон думала очень скверно о незнакомых и очень хорошо о знакомцах. Мистера Кроули она знала и свято верила, что он не крал чек мистера Сомса. Мистера Сомса она тоже знала, так что это представляло загадку, и старая леди Лофтон очень хотела, чтобы загадка эта разрешилась. А молодая леди Лофтон была так

же неколебима в своем мнении, и, возможно, основания у нее были более веские. Она знала мистера Кроули ближе, чем кто-либо в графстве, за исключением настоятеля. Младшая леди Лофтон до замужества прожила некоторое время в доме мистера Кроули, в ужасающей бедности этой семьи, и ухаживала за миссис Кроули во время болезни, которая чуть не свела ту в могилу. И младшая леди Лофтон верила в мистера Кроули – а мистер Кроули верил в нее.

– Это совершенно невозможно, – сказала старуха невестке.

– Совершенно невозможно, миледи.

Вдову называли «миледи» и собственная дочь, и жена сына, кроме как в присутствии детей, когда к ней обращались «бабушка».

– Вспомните, как хорошо я его знаю, – продолжала младшая дама. – Бесплезно говорить о доказательствах. Никакие доказательства меня не убедят.

– Я тоже не верю и нахожу возмутительным, что о нем такое говорят.

– Полагаю, у мистера Сомса не было другого выхода? – спросила младшая. Она недолюбливала мистера Сомса.

– Людвиг говорит, он не сделал ничего сверх того, что обязан был сделать.

Людвигом звали лорда Лофтона.

Разговор произошел утром, но вечером во Фрамли-Корте вновь обсуждали дело мистера Кроули. Собственно, уже несколько дней в графстве ни о чем другом не говорили. Мистер Робартс, священник Фрамлейского прихода и брат младшей леди Лофтон, обедал в усадьбе с женой, и три дамы в один голос заявили, что обвинение ложное. Однако лорд Лофтон и мистер Робартс, оставшись вдвоем после ухода дам, не выразили такой же уверенности.

– Честное слово, не знаю, что об этом и думать, – сказал лорд Лофтон. – Лучше бы Сомс промолчал.

– Это было невозможно. Когда банкир обратился к Сомсу, тот вынужден был в этом деле разобраться.

– Конечно. Но мне жаль, что так вышло. Ума не приложу, как чек мог оказаться у Кроули.

– Думаю, лежал в доме, и Кроули решил, что чек его.

– Дорогой мой Марк, – возразил лорд Лофтон, – извини, если я скажу, что это чушь. Как мы поступаем, если бедный человек решает, что чужая собственность – его? Сажаем за такую ошибку в тюрьму.

– Надеюсь, Кроули не посадят в тюрьму.

– Надеюсь, но что делать присяжным?

– Так ты думаешь, дело дойдет до присяжных?

– Да, – сказал лорд Лофтон. – Я не вижу, как можно не отдать его под суд. Это такое дело, которое все участники предпочли бы не поднимать, будь их воля. Но ничего не попишешь, все свидетельства указывают, что оно для суда присяжных.

– Я думаю, он тронулся умом, – объявил собрат-священник.

– Насколько я понимаю, он всегда таким был, – сказал лорд. – Сам я с ним не знаком, а ты вроде его знаешь?

– О да.

Тут фрамлейский викарий сделался печален и задумчив при воспоминании о некой встрече между ним и мистером Кроули. Тогда он сам был близок к полному краху, и мистер Кроули отчасти ему помог. Затем джентльмены снова отыскиали дам и при них своих сомнений не высказывали, ибо во Фрамли-Корте женские голоса имели больший вес, чем голоса противоположного пола.

В Барчестере, кафедральном городе графства, общество было очень решительно настроено против мистера Кроули. Тон здесь задавала миссис Прауди, жена епископа, а она свято верила, что мистер Кроули похитил чек. Она, как и подобает епископской жене, видела в жизни много священнослужителей и давно избавилась от наивности, по которой многие барсетшир-

ские дамы считали, будто рукоположенный священник не может ничего украсть. Миссис Прауди всем сердцем ненавидела старую леди Лофтон, а старая леди Лофтон платила ей тем же. Миссис Прауди часто говорила, что леди Лофтон – самодовольная старая дура, а леди Лофтон так же часто называла миссис Прауди вульгарной сварливой бабой. В Барчестере знали, как добры к семейству Кроули обительницы Фрамли-Корта, и уже это одно убедило бы миссис Прауди, что мистер Кроули способен на любое преступление. А в то, во что верила миссис Прауди, верил и епископ.

– Ужасный позор для епархии, – заметил епископ, качая головой и поглаживая фартук – знак своего сана. Он сидел у камина в собственном кабинете.

– Чепуха! – возразила миссис Прауди.

– Но, душенька... приходский священник!

– Тебе надо от него избавиться, вот и все. Независимо от того, осудят его или оправдают.

– Душенька, если его оправдают, я не смогу от него избавиться.

– Сможешь, если проявишь твердость. И ты должен ее проявить. Разве он не позорил себя долгами с самого появления в епархии и разве тебя не донимали письмами несчастные торговцы, которые не могут получить с него денег?

– Безусловно, душенька, все это правда.

– И что, так будет продолжаться? Он не может бывать во дворце, как другие священники, потому что у него нет пристойной одежды. Я его раз видела на улице, и это было нечто несусветное! Я не верила, что это священник, пока Джон мне не сказал. Он позорит епархию, и от него надо избавиться. Я уверена, что он виновен, и, надеюсь, его посадят в тюрьму. Правильно надеяться, что преступника посадят в тюрьму. А если он избежит тюрьмы, ты должен изъять его приход за долги. Там может служить замечательный курат. Мистеру Тамблу доход будет как раз впору.

На все это епископ не ответил, только кивал и поглаживал фартук. Он знал, что не сможет в точности выполнить требования жены, но, если бедного Кроули признают виновным, все будет относительно несложно.

– Вот пример для нас всех, как важно следить за собой, душенька, – сказал епископ.

– Тем не менее твой долг, и мой тоже, следить за другими, – ответила миссис Прауди, – и свой долг мы обязаны исполнять.

– Конечно, душенька, конечно.

Так обсуждали предполагаемую вину мистера Кроули в епископском дворце.

Мы уже знаем, что говорили по этому поводу в доме архидьякона Грантли. Шли дни, первые слухи все более подтверждались, и архидьякон уже не сомневался, что Кроули виновен. Убеждение это еще усиливалось страхом, что его сын намерен жениться на мисс Кроули. Доктор Грантли очень преуспел в жизни и в обычных обстоятельствах умел держаться с той самоуверенностью, какую дает успех. Однако и у него случались минуты слабости; он очень боялся, что житейские невзгоды нарушат его приятное благополучие. Он был очень богат. Ему досталась прекрасная жена. В церковном мире его все уважали. Всю жизнь он был на равных с местной знатью. Его единственная дочь сделала блестящую партию. Двое сыновей до сих пор радовали родительское сердце – не только тем, что удачно женились, но и своим общественным положением. Но как велико будет падение, если его сын женится на дочери осужденного вора! Как будут злорадствовать Прауди – Прауди, которых повергло в прах замужество Гризельды! Как наводнившие Барчестер низкоцерковные священники будут ликовать из-за его несчастья!

– Но для чего говорить, будто он виновен? – спросила миссис Грантли.

– В том, что касается нас, не особо важно, признают его виновным или нет, – сказал архидьякон. – Если Генри женится на этой девице, он разобьет мне сердце.

Однако никого, за исключением самих Кроули, дело не тревожило так, как архидьяконского сына. Говоря отцу, что не делал предложения Грейс Кроули, он не погрешил против

истины. Однако мало кто из мужчин просит у девушки руки, не сказав и не сделав прежде много такого, после чего предложение лишь скрепляет официально несомненное согласие обеих сторон. По крайней мере, так было между майором Грантли и мисс Кроули, и майор Грантли вполне это признавал. В том, что касается самой Грейс, у него не было ни малейшего желания отступать от своих намерений. Никакие слова отца или матери не поколебали бы его решимость. Но должен ли он связывать себя брачными узами с семьей осужденного вора? Вправе ли он навлечь такое бесчестье на отца, мать, сестру и свое единственное дитя? Бедность Кроули его не пугала, однако ему было страшно замарать себя и близких родством с человеком, который сидит в тюрьме.

Глава VI. Грейс Кроули

Мы уже сказали, что Грейс Кроули жила в то время у двух мисс Приттимен, державших в Сильвербридже школу для девочек. Еще ни у одной школы не было таких добрых директрис. Младшая, белокурая толстушка со свежим лицом, всегда выглядела так, словно ее переполняет млеко человеческой доброты. Другая была очень маленькая, тщедушная и болезненная – подслеповатая и страдающая мигренями, так что, по общему мнению, не принимала деятельного участия в преподавании. Однако, по тому же общему мнению, знала она больше любой другой женщины в Барсетшире и все замыслы касательно школы рождались в ее голове. А еще все близкие знакомые говорили, что доброта младшей ничто в сравнении с добротой старшей, что именно у нее – самое большое сердце. Такой была мисс Аннабелла Приттимен, старшая, и, может быть, она славилась добродетелями еще и потому, что никогда не выходила из дому. Она даже церковь посещать не могла – ее невралгия усиливалась на открытом воздухе. Таким образом, ее чтили отчасти из-за того, что она оставалась загадкой. Мисс Анна Приттимен, младшая, часто посещала чаепития, да и вообще любые приемы, куда ее приглашали, и была известна как любительница кексов и пирожков. Она так всем примелькалась, что ее ставили куда ниже сестры. Злые языки утверждали, будто она мечтает выйти за мистера Уинтропа, но про какую незамужнюю даму не распускали таких слухов? А в Сильвербридже все подобные домыслы крутились вокруг мистера Уинтропа.

Мисс Кроули жила у сестер Приттимен и помогала им в школе весь последний год, с тех пор как обычным порядком покинула бы пансион. Никаких соглашений не заключалось, никто не говорил, что Грейс останется насовсем. Ее попросили заменить уехавшую классную даму сперва на месяц, потом на второй, затем еще на два месяца, а когда та вернулась, мисс Приттимен не увидели причин, отчего бы не попросить Грейс побыть у них еще чуть-чуть. Однако всему модному сильвербриджскому свету они напоминали, что Грейс Кроули живет у них как гостья, не как учительница. «Разумеется, мы не платим ей жалованья или чего-нибудь подобного», – говорила мисс Анна Приттимен, что, безусловно, было неправдой. В первые четыре месяца Грейс платили регулярное содержание, а с тех пор мисс Аннабелла Приттимен, ведавшая денежными делами, не раз вызывала Грейс к себе в комнатку и после короткой речи вкладывала ей в руку бумажку. «Я знаю, что не должна принимать деньги, – говорила Грейс своей подруге Анне. – Не будь меня здесь, на моем месте никого бы не было». – «Чепуха, душенька, – отвечала мисс Анна Приттимен, – вы очень нам помогаете. И вам надо одеваться покрасивее, ради него. Всем джентльменам это нравится». Грейс очень сердилась и говорила, что вернет деньги. Тем менее, думаю, она старалась одеваться как можно красивее. Из сказанного нетрудно заключить, что обе мисс Приттимен одобряли намерения майора Грантли.

Однако в последнее время мисс Анна Приттимен с Грейс о майоре не заговаривала. Не то чтобы она верила в виновность мистера Кроули, просто знала людей и понимала, что майора Грантли такая история может оттолкнуть. «Если бы только он присватался раньше, дельце было бы слажено, – сказала Анна сестре. – Он бы не отступил от своего слова». – «Дорогая моя, – сказала Аннабелла, – я бы попросила тебя не говорить „присватался“. Это вульгарно». – «Я больше ни с кем, только с тобой», – ответила Анна.

Несколькими месяцами раньше у миссис Уокер в Сильвербридже гостила молодая дама из Оллингтона в соседнем графстве, и у них с Грейс Кроули завязалась дружба. У Грейс был в Лондоне кузен, племянник ее матери – преуспевающий клерк в министерстве. Кузен этот уже не первый год без ума любил упомянутую молодую даму. Однако у молодой дамы приключилась печальная история, и, хотя она питала к кузену Грейс самые теплые дружеские чувства, он никак не мог добиться от нее признания в чем-то большем. Грейс Кроули познакомилась с оллингтонской дамой в Сильвербридже; несмотря на разницу в возрасте (дама была на

несколько лет старше), они сдружились и, как частенько бывает у девиц, договорились начать переписку. Даму звали мисс Лили Дейл, а преуспевающего лондонского кузена – мистер Джон Имс.

Сейчас мисс Дейл была с матерью в Оллингтоне, и Грейс Кроули в ее нынешнем отчаянном положении излила подруге душу. Поскольку письмо Грейс и ответ мисс Дейл помогут нам в нашем повествовании, я приведу их оба.

*Сильвербридж, *** декабря 186****

Дражайшая Лили!

Даже не знаю, как рассказать тебе о том, что случилось, так это ужасно. Но может быть, вы там у себя уже слышали, потому что здесь все об этом говорят. История попала в газеты, так что бесполезно ее скрывать. Я бы и не стала ничего скрывать от тебя, только все так ужасно, что я не знаю, как писать. Кто-то – некий мистер Сомс, если не ошибаюсь, – говорит, будто папенька взял чужие деньги и его надо судить. Разумеется, папенька не делал ничего дурного. Думаю, он последний в мире, кто взял бы чужой пенни. Ты знаешь, как он беден, как ему жилось. Но я думаю, он лучше дал бы маме умереть с голоду и точно умер бы с голоду сам, чем одолжил шиллинг, который не сможет вернуть. Предположить, будто он мог взять деньги [Грейс пыталась написать «украл», но не заставила руку вывести это слово], чудовищно. Но каким-то образом обстоятельства сложились не в его пользу, и, говорят, он должен предстать перед мировым судом. Я часто думаю, что из всех людей на свете папенька самый несчастный. Все как будто против него, а ведь он такой хороший! Бедная маменька приходила сюда, и она сама не своя. Я в жизни не видела ее такой в такой горе. Она была у твоего друга мистера Уокера и забежала ко мне на минутку. Мистер Уокер как-то в этом участвует, хотя маменька говорит, он вроде бы по-доброму расположен к папеньке. Может быть, ты сумеешь выяснить через миссис Уокер, что он об этом думает. Разумеется, маменька знает, что папенька ничего дурного не делал, но она говорит, вся история совершенно загадочная, и она не понимает, откуда взялись те деньги. Папенька, ты знаешь, не такой, как другие. Он многое забывает; он все время думает, думает, думает о своих ужасных невзгодах. Бедный папенька! У меня сердце кровью обливается, когда я вспоминаю про его страдания, и мне стыдно, что я думаю о себе.

Когда маменька от меня ушла – это в тот день я узнала, что папеньку будут судить, – я отправилась к мисс Аннабелле и сказала, что возвращаюсь домой. Она спросила почему, и я ответила, что не хочу позорить ее дом. Она встала, обняла меня, и в глазах у нее выступили слезы. Она сказала, если с папой случится что-нибудь дурное – хотя она не верит, что такое возможно, потому что знает, какой он хороший, – ее дом будет домом не только для меня, но и для маменьки и для Джейн. Правда удивительная женщина? Когда я о ней думаю, мне порой кажется, она уже ангел. Потом она стала очень серьезной – потому что до того пыталась улыбаться сквозь слезы – и попросила меня помнить, что не все люди могут быть как она, на которой лежит забота только о себе и о сестре, и что сейчас мне надо постараться не думать о том, о чем я думала раньше. Она ничьих имен не упоминала, но, разумеется, я прекрасно поняла, о ком речь, и думаю, она права. Я ничего ей не ответила, потому что не могла говорить. Она держала мою ладонь, и я поцеловала ей руку. Мне хотелось сказать, что я

сознаю ее правоту, но я не заговорила бы об этом ни за что на свете. Всего за десять дней до того она сама со всей ее осмотрительностью сказала, что я должна подумать, какой ответ ему дам. Тогда я тоже ничего не ответила, но, разумеется, она знает. А после мисс Анна говорила об этом совершенно свободно, так что я умоляла ее молчать хотя бы перед девочками. Ты знаешь, как неосмотрительна она бывает. Но теперь все позади. Конечно, мисс Аннабелла права. Он должен думать о многих: об отце с матерью и о милой крошке Эдит, которую дважды сюда привозил и оставлял с нами на два дня, чтобы она поближе со мной познакомилась, и я так ее полюбила, что мне больно было с ней расставаться. Но порой я думаю, все в нашей семье родились быть несчастными, и говорю себе, что никогда больше не буду ни на что надеяться.

Пожалуйста, напиши поскорей. Ничто так не утешит меня, как твое письмо. Дорогая, милая Лили, как бы я ни была несчастна, я порадуюсь добрым известиям о тебе. Ах, если бы только получилось, как хочет Джон! И почему этому не получиться? Мне кажется, ни у кого, кроме нашей семьи, нет права или причины быть несчастными. До свидания, дражайшая Лили!

Твоя любящая подруга
Грейс Кроули

Р. С. Я решила, если мировой суд примет решение против папеньки, сразу вернуться в Хогглсток. Думаю, школе мое присутствие повредит.

Письмо из Оллингтона пришло уже после заседания в четверг, но для нашей истории лучше привести его здесь, до рассказа о решении мирового суда. Вот что ответила мисс Дейл:

Оллингтон, *** декабря 186***

Дорогая Грейс!

Твое письмо меня очень огорчило. Если бы тебя могло хоть сколько-нибудь утешить сознание, что мы с маменькой всецело тебе сочувствуем, то в нас по крайней мере можешь не сомневаться. Однако в таких несчастьях ничто не утешает. Их надо сносить, пока пожар беды не выгорит.

Я услышала обо всем за день или два до твоего письма. Нам рассказал наш священник, мистер Бойс. Разумеется, мы знаем, что обвинения совершенно беспочвенны, и маменька говорит, правда рано или поздно выйдет на свет. Однако это убеждение не может исправить беду, и я прекрасно понимаю, что твой отец ужасно страдает; твою матушку я жалею так же, как и его.

Что до майора Грантли, если он таков, каким показался мне за наше недолгое знакомство, для него происходящее ничего не изменит. Я убеждена, что так должно быть. Меняет ли это что-нибудь для тебя – другой вопрос. Думаю, да. Думаю, сейчас тебе следует ответить, что ты не можешь даже рассматривать его предложение, пока твой отец в такой беде. Я намного старше тебя и больше повидала, поэтому, как видишь, не стесняюсь давить на тебя всей тяжестью моего житейского опыта.

На другую тему я бы предпочла не говорить. Я знаю твоего кузена всю жизнь и ни к кому не испытываю более теплых чувств. Из всех моих друзей он самый для меня дорогой. Но когда думаешь о том, что больше дружбы, даже если стараешься думать, здесь столько преград!

Твоя любящая подруга
Лили Дейл

Маменька просит передать, что будет рада видеть тебя, когда бы ты ни решила приехать, а от себя добавляю: приезжай прямо сейчас! Ты написала, что хочешь на время оставить мисс Приттимен. Я прекрасно понимаю твои чувства, но, поскольку рядом с твоей матушкой будет твоя сестра, думаю, тебе лучше поехать к нам – я имею в виду не откладывая. Я без смущения передаю тебе маменькины слова, поскольку знаю, какая ты разумная. Она говорит, раз дело касается блага школы и у тебя там нет постоянного места, тебе и впрямь правильнее будет уехать из Сильвербриджа, но она говорит, лучше тебе перебраться к нам, чем к родителям. Если ты вернешься домой, люди могут сказать, будто ты сбежала от позора. Приезжай к нам, а когда все выправится, вернешься в Сильвербридж, и тогда, если кое-кто снова к тебе обратится, ты сможешь дать ему другой ответ. Маменька тебя ждет, так что спроси свою матушку и приезжай.

Письмо это Грейс Кроули получила уже после заседания мирового суда в четверг, но еще до того дня она сообщила обоим мисс Приттимен, что съедет от них. Решение Грейс приняла, даже не посоветовавшись с матерью, и причин для него было несколько. Она знала, что ученицы обсуждают ее отца и такие разговоры вредят репутации школы. Еще она чувствовала, что не может смотреть людям в лицо, как пристало учительнице. Она очень старалась и преуспела больше, чем думала сама. Ей почти удалось держать себя так, будто против ее отца не выдвинуто ужасное обвинение. Однако она насилу с этим справлялась и говорила себе, что дольше так продолжаться не может. И еще она должна была уехать из-за майора Грантли. Собирается он прийти и сказать последнее необходимое слово или не собирается, лучше, чтобы ее в Сильвербридже не было. Если он заговорит, она сможет ответить только отказом, а если он не имеет такого намерения, лучше думать, что молчание вызвано ее отсутствием, а не его холодностью и равнодушием.

Поэтому она попросила разрешения поговорить с мисс Приттимен, и утром вторника в одиннадцать часов ее пригласили в комнату старшей сестры. Старшая мисс Приттимен не приходила в школу раньше полудня, но имела обыкновение в предшествующие два часа проводить с юными леди беседы, подчас весьма строгие. Во время этих бесед, по слухам, устраивалась или губилась будущность некоторых девиц; например, мисс Кримптон получила совет остаться в Англии с дядей, а не плыть с сестрами в Индию, где обе вышли замуж в первые же три месяца после того, как сошли с корабля в Бомбее. Мисс Приттимен умела советовать очень убедительно. Никто лучше нее не знал, что петух громче всего кукарекает на своем дворе, и когда она хотела, чтобы ее слушали, то беседовала с девицами в святилище личной комнаты.

– Да, милая, что ты хотела сказать? – обратилась она к Грейс. – Сядь в кресло, чтобы нам спокойно поговорить.

Учительниц мисс Приттимен всегда приглашала сесть в кресло, а для юных леди в комнате стоял маленький жесткий стул с прямой спинкой. Был еще покаянный табурет у стены, очень неудобный, для тех юных леди, которые ведут себя не так, как пристало благородным девицам.

Грейс села и заговорила очень быстро:

– С вашего позволения, мисс Приттимен, я решила ехать домой.

– А зачем тебе ехать, Грейс? Разве я не говорила, что ты можешь жить здесь?

Мисс Приттимен была подслеповатая, очень маленькая и никогда не отличалась красотой. И она ничуть не старалась придать себе значительности нарядом. Человек ненаблюдатель-

ный назвал бы ее сухонькой старушонкой. И впрямь, каждый, кто встречался с ней не как с директрисой, не видел в ней ничего грозного. Однако в своих владениях она умела окружить себя достоинством, которое чувствовали все. Грейс Кроули, услышав вопрос мисс Приттимен, невольно смутилась. Ее упрекнули, что она собирается поступить неблагодарно и неразумно безо всякой необходимости.

– Я думаю, что должна сейчас быть с маменькой.

– С ней твоя сестра.

– Да, мисс Приттимен, Джейн там.

– Если других причин нет, то это я причиной счесть не могу. Конечно, матушка была бы рада постоянно видеть тебя при себе, если только ты не выйдешь замуж, но есть причины, по которым это неразумно.

– Конечно есть.

– Если я знаю все, что следует знать, то думаю, у тебя нет оснований покидать нас прямо сейчас.

Грейс мгновение сидела молча, собираясь с духом и подыскивая слова. Наконец она заговорила:

– Это из-за папеньки и обвинений против него...

– Но, Грейс...

– Я знаю, что вы скажете, мисс Приттимен... то есть думаю, что знаю.

– Если ты меня выслушаешь, то будешь знать точно.

– Я прошу вас прежде выслушать меня. Простите, мисс Приттимен, но я правда хочу сказать прежде, чем вы продолжите. Я должна уехать домой, знаю, что должна. Мы все опозорены, и я не хочу позорить школу. Знаю, папенька не сделал ничего дурного, но все равно мы опозорены. Полицейские придут за ним в четверг, и весь Сильвербридж про это услышит. Мне нельзя преподавать в школе, когда такое происходит. И я не могу, мисс Приттимен, просто не могу. Не могу заставить себя думать о том, что делаю. Правда не могу. И потом, мисс Приттимен, есть и другие причины.

К тому времени Грейс Кроули уже почти захлебывалась от слез.

– И какие же причины, Грейс?

– Не знаю, – выговорила Грейс, силясь унять рыдания.

– А я знаю, – ответила мисс Приттимен. – Я знаю их все. Я знаю все твои причины, и я скажу, отчего, по-моему, тебе надо оставаться здесь, а не уезжать. То, из-за чего ты хочешь уехать, на мой взгляд – причина остаться.

– Я не могу остаться. Я решила уехать. Вы и мисс Анна очень добры, но я не могу снести, как смотрят на меня девочки... и прислуга.

Мисс Приттимен ненадолго умолкла, думая, какие мудрые слова будут уместнее всего в нынешнем затруднении. Однако мудрые слова не шли ей на ум – их вытеснила сердечная нежность.

– Подойди ко мне, родная, – сказала она наконец. – Подойди ко мне, Грейс.

Грейс медленно поднялась и встала у локтя мисс Приттимен. Та отодвинула кресло чуть назад, сама подалась чуть вперед и одной рукой обняла Грейс за талию, а другой взяла ее ладонь и, притянув девушку к себе, поцеловала ее в лоб и в губы. Через мгновение Грейс уже стояла перед доброй женщиной на коленях.

– Грейс, – сказала та, – разве ты не знаешь, что я тебя люблю? Разве ты не знаешь, что я люблю тебя всем сердцем?

В ответ на это Грейс поцеловала морщинистую руку наставницы, и ее теплые слезы упали на тыльную сторону старческой ладони.

– Я люблю тебя, как будто ты моя дочь! – воскликнула мисс Приттимен. – Поверь, я знаю, что для тебя лучше.

– Я должна ехать домой, – повторила Грейс.

– Конечно, должна, если считаешь, что так правильно, но давай все обсудим. Никто в доме не думает, будто твоей отец мог сделать что-нибудь хоть в малой степени бесчестное.

– Я знаю, что вы не думаете.

– И Анна тоже.

Мисс Приттимен сказала это так, словно, кроме нее и сестры, никто в доме не имеет права на собственное мнение.

– Но прислуга, мисс Приттимен?

– Если кто-нибудь из слуг скажет тебе хоть что-нибудь обидное, я... я...

– Они ничего не говорят, мисс Приттимен, но они смотрят. Мне правда лучше уехать домой. Правда лучше!

– Неужто у твоей матери мало забот без лишнего рта, который надо кормить? Об этом ты не подумала, Грейс!

– Подумала.

– А что до работы, пока тебе не очень хорошо, не стоит преподавать. У меня есть старые бумаги, которые нужно скопировать и разобрать, будешь сидеть здесь и заниматься ими. Анна знает, что я давно хотела это сделать, я скажу ей, что ты любезно согласилась мне помочь.

– Нет-нет-нет, – возразила Грейс. – Я должна вернуться домой.

Она по-прежнему стояла на коленях, по-прежнему держала мисс Приттимен за руку. И тут в дверь постучали – тихо, но без робости, как будто стучащий осознает верховенство хозяйки комнаты, но и свое право войти считает почти неотъемлемым. Обе знали, что это мисс Анна. Грейс тут же вскочила, а мисс Приттимен откинулась в кресле, как будто ее чуть не застали за чем-то постыдным.

– Мне ведь можно войти? – спросила мисс Анна, приоткрывая дверь и заглядывая внутрь.

– Да, конечно, если тебе есть что сказать, – ответила мисс Приттимен таким тоном, будто хотела напомнить о своем верховенстве, однако на самом деле она просто пыталась восстановить отчасти утраченные мудрость и достоинство.

– Я не знала, что Грейс Кроули здесь, – сказала мисс Анна.

– Грейс Кроули здесь, – ответила мисс Приттимен.

– В чем дело, Грейс? – спросила мисс Анна, видя ее слезы.

– Уже не важно, – сказала мисс Приттимен.

– Бедняжка, бедняжка. Я ей сочувствую, как если бы она была моей родной сестрой, – сказала Анна. – Но, Аннабелла, мне нужно с тобой поговорить.

– Со мной, наедине?

– Да, наедине, если Грейс не против.

Грейс приготовилась выйти. Однако мисс Анна, озабоченно хмурясь, остановила ее в дверях.

– Грейс, милая, ступай в свою комнату, хорошо? Не через вестибюль в школу.

– А почему ей нельзя идти в школу? – спросила мисс Приттимен.

Мисс Анна мгновение помедлила, затем ответила – нехотя, как будто ее вынуждали сказать что-то, чего лучше вслух не произносить.

– Потому что там кое-кто в вестибюле.

– Ступай к себе, милая, – велела мисс Приттимен.

И Грейс ушла к себе, ни разу не обернувшись на вестибюль.

– Кто там? – спросила мисс Приттимен.

– Майор Грантли, к тебе, – прошептала мисс Анна.

Глава VII. Личная комната мисс Приттимен

После угроз отца лишить его денежного содержания майор Грантли объявил, что на следующее же утро сделает мисс Кроули предложение. Этого он, впрочем, не исполнил. Не исполнил отчасти потому, что не совсем верил в отцовскую угрозу, а отчасти потому, что в его глазах угрозу эту почти оправдывали – на данный момент – обстоятельства, в которых оказался отец Грейс. Возвращаясь наутро из родительского дома, Генри Грантли мысленно признавал, что в вопросе брака и впрямь обязан думать о родных. Если он женится, его долг перед семьей – жениться на леди. И Грейс Кроули – так он говорил себе – леди. И его долг перед близкими – чтобы его жена не позорила их воспитанием, манерами, даже внешностью. Всем этим, на его взгляд, Грейс Кроули обладала в достаточной мере, а кое в чем и превосходила тех женщин, с которыми родители поддерживали знакомство. «Будь все по справедливости, она дала бы моей сестре сто очков вперед», – говорил он себе. Таким образом, надо признать, что майор Грантли действительно полюбил Грейс Кроули. Он вновь и вновь повторял себе, что родители не вправе требовать, чтобы он женился на богатой. Архидьяконский сын отнюдь не презирал деньги – да и как мог презирать их птенец ректорского гнезда в Пламстеде? До того, как уступить лучшим чувствам и понять все превосходство Грейс Кроули, майор Грантли чуть не поддался на двадцать тысяч фунтов мисс Эмили Данстейбл – двадцать тысяч фунтов, к которым

прилагались ее милый нрав и розовое личико. Однако он считал себя благополучным сыном очень состоятельного отца. Его единственная дочь уже была щедро обеспечена, и майор чувствовал, что может следовать своим желаниям без оглядки на деньги. После отцовских угроз это убеждение еще окрепло.

Однако он не вправе опозорить семью. Верно ли майор считал, что опозорит ее женитьбой на дочери осужденного вора, здесь обсуждать незачем. Он считал, что опозорит – говорил себе, что по суровым законам света сын и дочь платят за преступления отца и матери. Даже среди бедняков – кто захочет жениться на дочери висельника? Однако он продолжал внутренний спор, пытаясь быть не только справедливым, но и великодушным. Если обвинения против Кроули ложны – если на него возвели напраслину, если он, Грантли, убедит хотя бы себя, что отец девушки не крал денег, то все остальное его не остановит. Я не уверен, что его рассуждения можно назвать логичными. Он должен был понимать, что едва ли рассудит правильное тех, кто облечен соответствующей властью, а сама Грейс Кроули чиста вне зависимости от того, виновен ли ее отец. Если единственное препятствие к его браку с Грейс – преступление ее отца, как он мог рассчитывать, что докопается до правды о предполагаемой краже? Однако он мыслил нелогично и, желая быть великодушным, был несправедлив.

Все сильвербриджские авторитеты склонялись к убеждению, что мистер Кроули все же украл деньги. Через миссис Уокер майор выяснил, что ее муж верит в виновность священника. И он был не одинок в своей готовности принять мнение мистера Уокера за окончательную истину. Сильвербридж в целом склонен был оглядываться на мистера Уокера и повторять его слова. Сильвербриджские дамы, включая обеих мисс Приттимен, слышали про доброту мистера Уокера к обоим Кроули, мужу и жене, из чего заключали, что тот считает священника невиновным. Генри Грантли был с Уокерами накоротке, но не отважился спросить стряпчего напрямик, а побеседовал наедине с его женой. Миссис Уокер знала, какая будущность маячила перед Грейс Кроули. Она отдала бы палец, чтобы обелить мистера Кроули в глазах майора. Не следует думать, конечно, будто она прямо сказала ему, что ее муж убедился в виновности несчастного священника. Ни прямых вопросов, ни прямых ответов в беседе не прозвучало. Однако добрая женщина смотрела грустными глазами и не сказала, что ее муж уверен в полной чистоте мистера Кроули, из чего майор вывел, что миссис Уокер верит в его виновность.

Затем он отправился в Барчестер и там тоже ничего не спрашивал, а внимательно слушал. У него сложилось впечатление, что барчестерцы совершенно единодушны. В Барчестере был клуб, и в этом клубе девять человек из десяти заговаривали о мистере Кроули безо всяких вопросов со стороны майора. Мнение выражали так охотно, что вопросов не требовалось, и мнение Барчестера – во всяком случае, барчестерского клуба – было едино. Поначалу все верили, что мистер Кроули ни в чем не повинен. Так считали даже после того, как он заявил, что этим чеком расплатился с ним мистер Сомс. Но потом он сказал, что получил чек от настоятеля Эйрбина, и это утверждение тоже опровергли. Человек, попросивший разменять чек, должен хотя бы объяснить, как его получил, а мистер Кроули мало что не смог этого сделать, так еще дважды сообщил ложные сведения. Генри Грантли, возвращаясь домой вечером воскресенья, сложил все доказательства в голове и вынес вердикт «виновен» против отца девушки, которую любил.

На следующее утро он пошел в Сильвербридж и заглянул в дом мисс Приттимен. Шагая в город, майор любил Грейс сильнее прежнего. Он объявил отцу, что непременно сделает ей предложение, но теперь говорил себе, что сыновний долг требует отступить. И все же он, если до сих пор и не попросил ее руки, сказал много такого, что давало Грейс право этого ждать. И мисс Приттимен, которая, надо полагать, догадывалась о его намерениях, наверняка рассчитывает, что теперь он выскажется напрямик. Будь у него побольше мудрости – того, что свет называет житейской мудростью, – он бы ничего пока не говорил. Однако есть два разряда мужчин: одни уверены, что с женщинами все позволено и все сойдет с рук, другие (и

в целом их больше) смертельно боятся навлечь на себя осуждение – не только общественное, но и собственное. Майор Грантли считал, что обязан сделать следующий шаг, и сделать его немедленно.

Поэтому утром понедельника он сразу после завтрака пошел в Сильвербридж и на ходу строил воздушные замки. Почему бы ему не жениться на Грейс – если она согласится – и не увезти ее туда, где о преступлении ее отца не слыхали? Почему не отринуть родных, деньги, общество, положение ради любимой женщины? Да, его назовут глупцом, но никто не скажет, будто он повел себя недостойно. В нем было душевное благородство, говорившее, что то был бы прекрасный поступок. Однако к мисс Приттимен он шел извиняться, что не совершит прекрасного поступка. Генри Грантли принял окончательное решение. И все равно он строил воздушные замки.

Так случилось, что в вестибюле майор встретил младшую мисс Приттимен. Он не собирався открывать ей цель своего визита, или передавать через нее извинения, или просить ее помощи в сватовстве. Мисс Анна Приттимен была для такой роли личностью слишком заурядной. Мисс Анна Приттимен и сама относилась к майору как к высшему существу. Так что он просто спросил, может ли увидеть ее сестру.

– Конечно, майор Грантли. То есть я думаю, что да. Время немножко раннее, но, думаю, она вас примет.

– Да, сейчас рано, но мне нужно сказать ей слово-два по делу.

– А, по делу. Я уверена, что по делу она вас примет. Сочтет за честь. Будьте добры, подождите две минутки вот здесь.

И мисс Анна, усадив майора в маленькой гостиной, побежала наверх к сестре. «Конечно, это насчет Грейс Кроули, – говорила она себе. – Никакого другого дела у него тут быть не может. Если он присвадывается, когда ее отец в такой беде, то никого лучше на свете нет». С такими мыслями она постучала в дверь и в присутствии Грейс объявила, что внизу ждет посетитель.

– Это майор Грантли, – прошептала Анна, как только дверь за девушкой затворилась.

– Так я поняла, когда ты велела ей не идти в вестибюль. Что он пришел сказать?

– Как я тебе могу ответить, Аннабелла? Но думаю, после всего, что было, он может сказать только одно. Он мог прийти только за одним.

– С этим он бы ко мне не пошел. Он бы спросил ее.

– Она теперь совсем не выходит, и он не может ее увидеть.

– Или он поехал бы к ее родителям в Хогглсток, – сказала мисс Приттимен. – Но конечно, раз он здесь, я должна его принять. Сходишь за ним? Или мне позвонить в колокольчик?

– Схожу. Не хочется лишней суеты вокруг его прихода, со слугами, я имею в виду. Полагаю, мне лучше с ним не возвращаться?

Последние слова младшая сестра произнесла таким жалобным тоном, что сердце старшей должно было смягчиться, но та осталась непреклонна.

– Поскольку он спросил меня, думаю, тебе лучше оставить нас вдвоем, – сказала Аннабелла.

Мисс Анна Приттимен, покорно неся свой крест, не стала спорить, а вернулась в маленькую гостиную, провела майора наверх и впустила его в комнату, даже не заходя сама.

Майор Грантли знал мисс Анну Приттимен настолько хорошо, насколько мужчина на третьем десятке может знать даму под пятьдесят, с которой не связан семейными узами, однако его знакомство с мисс Аннабеллой Приттимен было куда менее близким. Мисс Аннабелла Приттимен, как уже говорилось, не выходила из дому и оттого не примелькалась сильвербриджцам. Она изредка принимала гостей, и воздыхатель Грейс, как называли майора, не раз у нее бывал, но исключительно со светскими визитами. За всю жизнь он обменялся с нею от

силы десятком слов. Теперь ему предстояло сказать ей больше десяти слов, и он не знал, как к этому подступиться.

Она встала, сделала реверанс, затем пожала майору руку и пригласила его сесть.

– Сестра сказала, вы хотели меня видеть, – заговорила она самым ласковым тоном.

– Да, мисс Приттимен. Я хотел побеседовать с вами по делу, которое очень сильно меня мучает... очень сильно.

– Все, чем я могу быть вам полезна, майор Грантли...

– Спасибо. Я знаю, вы очень добры, иначе не посмел бы к вам обратиться. И я не стал бы вас беспокоить, касайся дело только меня. Мне известно, как вы заботитесь о мисс Кроули.

– Да. Мы здесь очень любим Грейс.

– И я тоже, – брякнул майор. – Я тоже очень ее люблю.

Он умолк, словно полагая, что теперь слово за мисс Приттимен. Однако мисс Приттимен, по всему, так не считала, и пришлось ему продолжать:

– Не знаю, слышали ли вы про это, или замечали, или... или... или...

От смущения кровь бросилась ему в лицо. Он, хоть и майор, краснел перед старой женщиной, пытаясь рассказать свою историю и не зная, как ее изложить.

– Дело в том, мисс Приттимен, что я уже почти попросил ее стать моей женой, и тут приключилась ужасная история с ее отцом.

– Ужасная история, майор Грантли, поистине ужасная.

– Клянусь Богом, это суший кошмар!

– Разумеется, мистер Кроули так же невиновен, как вы или я.

– Вы так считаете, мисс Приттимен?

– Считаю! Я совершенно убеждена! Священник англиканской церкви, благочестивый и усердный сельский пастор, много лет известный нам своими добрыми делами, внезапно становится вором и крадет несколько фунтов! Такого быть не может, майор Грантли. Да еще отец такой дочери! Это невозможно. Может, так пристало думать стряпчим, обязанным мыслить в соответствии с тем, что они называют свидетельствами, но, на мой взгляд, само предположение чудовищно. Я не знаю и не хочу знать, как чек оказался у него, но я уверена, он его не крал. Слыхано ли, чтобы порядочный человек стал в одночасье негодяем?

Майора поразили ее красноречие и возмущенный тон. Ему подумалось, что она не одобрит то, зачем он пришел, и укорит его за неготовность совершить прекрасный поступок, который он рисовал в мечтах. И почему не совершить прекрасный поступок? Красноречие мисс Приттимен наполовину убедило его, что барчестерский клуб и мистер Уокер все же ошибаются.

– И как мисс Кроули это переносит? – спросил он, желая оттянуть то, за чем пришел.

– Конечно, она очень несчастна. Не то чтобы она думала дурно о своем отце...

– Разумеется, она не считает его виновным.

– Майор Грантли, в этом доме никто не считает его виновным, – властно промолвила маленькая женщина. – Однако Грейс, естественно, очень горюет. Не думаю, что сегодня вам следует с нею видаться.

– У меня не было такой мысли, – сказал майор.

– Бедная, бедная девочка! Для нее это ужасное испытание. Хотите ли вы, чтобы я что-нибудь ей от вас передала, майор Грантли?

Пришел миг, когда следовало сказать то, за чем он пришел. Маленькая женщина ждала ответа, и, поскольку он находился здесь, в ее владениях, ему следовало говорить. Боюсь, всякий сколько-нибудь решительный читатель не одобрит его следующие слова и нашего воздыхателя будут отныне считать человеком слабым и безвольным, не имеющим собственного мнения – размазней, как говорят в народе.

– Мисс Приттимен, что я должен ей передать? – спросил он.

– Нет, майор Грантли, я не могу ответить на ваш вопрос. Как могу я вложить слова в ваши уста?

– Дело не в словах, а в чувствах, мисс Приттимен.

– И как я могу угадать ваши чувства?

– А, что до этого, свои чувства я знаю. Я правда люблю ее всем сердцем... правда люблю. Две недели назад я гадал только, примет ли она мое предложение, думал, не слишком ли я для нее стар и захочет ли она взять на себя заботу об Эдит.

– Она очень любит Эдит.

– Правда? – спросил майор в еще большей растерянности. Почему бы все-таки не совершить прекрасный поступок? – Однако для юной девушки, когда та выходит замуж, это нелегкая обязанность.

– Да, очень нелегкая. Ваше дело решить, готовы ли вы поручить такую обязанность столь юной особе.

– Тут у меня никаких опасений нет.

– И у меня тоже, если вас интересует мое мнение. Мы тут очень хорошо знаем Грейс и уверены, что она исполнит свой долг в том жизненном положении, какое Богу угодно будет ей определить.

Майор Грантли помнил, что пришел не за характеристикой любимой девушки, и все же не досадовал на мисс Приттимен. Он слушал ее почти с благодарностью, хоть и чувствовал, что его уводят от цели. Утешался он тем, что мисс Приттимен направляет его к прекрасному поступку и воздушным замкам, которые он строил по пути в Сильвербридж.

– Я совершенно уверен, что она такова, как вы говорите, – сказал он. – Собственно, я пришел к этому убеждению уже давно.

– И чем я могу быть вам полезна, майор Грантли?

– Вы считаете, мне не следует с ней видаться?

– Я бы спросила ее саму. Я настолько верю в ее разумность, что оставила бы все на полное ее усмотрение.

Итак, прекрасный поступок надо совершить. Майор чувствовал что-то вроде сожаления при мысли о нищем опозоренном тесте и о том, каким ударом станет этот брак для отца. Однако другой выход был теперь практически отрезан. И разве этого не требуют мужество и долг? Он полюбил Грейс до того, как на нее свалилось несчастье, а значит, обязан принять и то бремя, которое возлагает на него любовь.

– Если позволите, я увижусь с ней прямо сейчас и попрошу ее стать моей женой, – сказал он. – Но я должен увидеть ее наедине.

Мисс Приттимен ответила не сразу. До сих она вела игру осторожно и, быть может, я даже могу сказать, хитроумно. Она опустила ради девушки, которую любила и жалела. Мисс Приттимен в какой-то степени читала мысли майора Грантли и отчасти угадала его намерения – угадала, что он колеблется между двумя намерениями. Она поняла, что может помочь Грейс, и подвела майора к тому, чтобы он вслух высказал свои чувства – по крайней мере перед ней. Однако теперь мисс Приттимен медлила. Правильно ли будет для обоих, чтобы майор сегодня объяснился с Грейс? Для некоего будущего полезно, что сейчас он сделал это признание. Она видела его характер. Зайдя так далеко – сказав о своей любви вслух, – он не отступится, какой бы вердикт ни вынес мировой суд. Но... но сейчас не время для объяснения. Хотя Грейс любит майора, любит его дочь и мечтает назвать ее своей, хотя брак обеспечил бы будущее Грейс, как ее близкие не смели раньше и мечтать, она, безусловно, откажет майору Грантли. Она откажет, и тогда он будет свободен – волен передумать, если сочтет нужным. С расчетливостью, которую, боюсь, не одобрила бы суровая мораль, мисс Приттимен решила, что лучше майору пока с мисс Кроули не видеться. Она молчала довольно долго, а когда заговорила, майор уже встал с кресла и стоял спиной к камину.

– Майор Грантли, – сказала мисс Приттимен, – вы увидите с нею, если хотите и если она согласится, но вряд ли сейчас вы получите желаемый ответ.

– Вы думаете, она мне откажет?

– Я не думаю, что она сейчас согласится. Она будет считать... я уверена, она будет считать, что во время отцовской беды негоже объясняться в любви. Но вы, если хотите, можете с нею увидеться.

Майор задумался и, задумавшись, вздохнул. Сейчас Грейс Кроули была в его глазах еще прекрасней, чем прежде. Последние слова мисс Приттимен вознесли ее на новую высоту. Будь что будет, когда-нибудь он попросит ее руки, а сейчас лучше довериться суждению мисс Приттимен.

– Тогда я не стану с ней видаться, – сказал он.

– Думаю, так будет разумнее.

– Конечно, вы и раньше знали, что я... люблю ее?

– Я так предполагала, майор Грантли.

– И что я намерен сделать ей предложение?

– Что ж, если вы так прямо ставите вопрос, должна сознаться, что я, как друг Грейс, не позволила бы всему пойти так далеко... хотя я вовсе не склонна ограничивать свободу девушек, в которых я уверена, как в ней... и все же с моей стороны это было бы недопустимо, не думай я, что таковы ваши намерения.

– Мне хотелось объясниться с вами, мисс Приттимен.

– И я вам за это признательна. – Она встала и протянула ему руку. – Вы замечательный, благородный джентльмен, и я надеюсь, что Грейс еще станет вашей счастливой женой, матерью вашей прелестной дочери и матерью других детей. Я не могу вообразить для нее большего счастья.

– И вы скажете Грейс, что я ее люблю?

– Я по крайней мере скажу ей, что вы заходили и осведомлялись о ней с очень большой добротой. Она поймет, что это значит, безо всяких слов о любви.

– Могу я что-нибудь сделать для нее... или для ее отца? Я имею в виду, как-то помочь деньгами? Я не смущаюсь говорить это вам, мисс Приттимен.

– Я скажу ей, что вы готовы помочь. Сама я не сомневаюсь, что загадка скоро разрешится, и тогда, если вы придете сюда, мы будем вам очень рады – я так во всяком случае.

Мисс Приттимен самолично проводила майора вниз и очень тепло попрощалась с ним на глазах у сестры и двух служанок, вышедших открыть дверь. Мисс Анна, увидев, как дружески мисс Аннабелла рассталась с майором, не сдержалась и задала нескромный вопрос – шепотом, правда, но таким шепотом, что всякая чуткая горничная услышала бы и поняла. «Так он присватался?» – спросила она, когда сестра поднялась только на первый лестничный пролет. Взгляд, которым старшая сестра устыдила младшую, я не согласился бы снести и за двадцать фунтов. Та лишь глянула и без единого слова двинулась дальше. У себя в комнате она позволила в колокольчик и велела горничной сходить за мисс Кроули. Бедная мисс Анна удалилась в нижние помещения и несколько минут сидела одна, оправляясь от сестриного гнева. «Значит, все-таки не присватался», – сказала она себе и отправилась обратно в школу.

Мисс Аннабелла Приттимен и мисс Кроули беседовали наедине примерно час. Передавать их разговор слово в слово нет никакой надобности. Довольно сказать, что мисс Приттимен не сказала ничего лишнего, а Грейс поняла все, что следовало понять.

– Более дружеского участия и более джентльменского поведения я и вообразить не могу, – заключила мисс Приттимен.

– Я не сомневалась, что он очень хороший, и рада, что он не спросил меня, – ответила Грейс.

Потом она ушла, а мисс Приттимен некоторое время сидела в задумчивости, размышляя о том, что сделала, не без некоторых укоров совести.

Майор Грантли по пути домой был не то чтобы вполне доволен собой, хотя и гордился своей дипломатичностью – на мой взгляд, безосновательно. Он чувствовал, что мисс Приттимен и свет в целом (если свет в целом когда-нибудь об этом узнает) сочтут его поведение достойным, и он добился этого, не связав себя обещанием жениться на дочери вора, если дело с ее отцом повернется плохо. Однако – и это лишало его той радости, которую дает настоящий успех, – он не проявил к Грейс Кроули идеального великодушия, какого требует любовь, и отчасти стыдился себя. Впрочем, он надеялся заполучить Грейс, когда беда останется в прошлом. «И я сделаю ей предложение, рано или поздно, как бы все ни повернулось», – сказал себе майор, входя через ворота на собственный луг, где сразу увидел дочку в коляске, которую толкала нянька. Затем он взял коляску на свое попечение и полчаса прогуливался с ней, к большому удовольствию для няньки, ребенка и себя самого.

Глава VIII. Мистера Кроули доставляют в Сильвербридж

Утром понедельника миссис Кроули вновь стала убеждать мужа, чтобы тот согласился в четверг добровольно предстать перед мировым судом. Она еще раньше объяснила ему, что мировые судьи погрели против строгой буквы закона, не выписав сразу ордер на его задержание, и что в этом они послушались мистера Уокера, которого так уважают, что по его слову готовы взять на душу почти любой грех. У нее была и вторая задача, а именно убедить мужа, чтобы тот нанял адвоката. Мистер Уокер рекомендовал обратиться к мистеру Мейсону в Сильвербридже. Однако утром понедельника миссис Кроули не сумела добиться ни того ни другого. Первым делом мистер Кроули объявил, что не желает иметь ничего общего с адвокатами. Судя по всему, это решение он принял заранее, и миссис Кроули сразу поняла, что тут его не сдвинуть. Когда же стало ясно, что муж равно непреклонен в другом вопросе, что он отказывается предстать перед мировым судом, если его не доставят принудительно, она чуть не сдалась и некоторое время думала, что бессильна повлиять на события. Да и как было не отчаяться под свалившимся на нее бременем?

В воскресенье несчастный взял себя в руки, дабы исполнить свои обязанности, и так в этом преуспел, что жена думала, все еще может исправиться, он вспомнит, пока еще не поздно, откуда взялся злополучный клочок бумаги. Казалось, он выходит из того помутнения рассудка, в котором находился все последние месяцы. Воскресным вечером она не стала заводить разговор о мировых судьях и заседании в четверг, поскольку видела, что он очень устал. Однако утром понедельника, чувствуя, что больше откладывать нельзя, миссис Кроули попыталась исполнить свое обещание мистеру Уокеру. Мистер Кроули очень твердо ответил, что не станет нанимать адвоката. «Зачем мне адвокат? Я не сделал ничего дурного», – сказал он. Она попыталась объяснить, что очень многие люди, не сделавшие ничего дурного, нуждаются в помощи адвоката. «И кто ему заплатит?» – спросил муж. Жена неудачно ответила, что сейчас об этом можно не думать. «И еще глубже залезть в долги! – воскликнул он. – Должен ли я оправдаться перед миром, залезая в долги, которые точно не сумею вернуть? Когда речь шла о еде для детей, я проявил слабость, но не проявлю ее в таком деле. Я не найму адвоката». В этом она большой беды не увидела, хотя и предпочла бы последовать совету мистера Уокера, но, когда позже муж объявил, что не явится на заседание добровольно, у нее опустились руки. Утром он вроде бы согласился, что идти надо, и лишь позже, распалив свой гнев из-за предложения нанять адвоката, наотрез отказался являться в суд добровольно. Впрочем, весь день он был в таком состоянии, что у жены сердце обливалось кровью. Он ничего не делал. Не пошел в школу и вообще на улицу не выходил. Не открывал книгу. Не ел, даже не сел за стол и не прочитал молитву, когда подали скудный ланч. «Ничто для меня не благословенно, – ответил он, когда жена убеждала его прочесть молитву хотя бы ради дочери. – Как я скажу, что благодарю Бога, если в сердце у меня нет благодарности? Должен ли я лгать ради ребенка?» Затем он несколько часов кряду сидел в старом кресле неподвижно, склонившись к камину, не задремывая, не говоря ни слова, непрерывно размышляя, как знала его жена, о несправедливости мира. Она почти не смела с ним заговаривать, с такой горечью он отвечал. Уже поздно вечером, чувствуя, что завтра рано утром должна отправить мистеру Уокеру записку, миссис Кроули мягко положила руку мужу на плечо и спросила:

– Могу я сообщить мистеру Уокеру, что ты приедешь в четверг?

– Нет! – закричал он. – Нет, я не позволяю так ему писать!

Она отпрянула, дрожа. Обычно миссис Кроули не трепетала перед мужем и не показывала, что боится его вспышек, но еще никогда он так не повышал на нее голос.

– Я не разрешаю тебе переписываться по этому поводу с кем бы то ни было в Сильвербридже. Ты слышишь меня, Мэри?

– Я слышу тебя, Джосайя, но я обещала мистеру Уокеру, что дам ему ответ, и должна сдержать слово.

– Тогда напиши ему, что по своей воле я в четверг отсюда не выйду. В четверг я буду дома весь день – если меня не выведут силой.

– Но, Джосайя...

– Делай, как я говорю, или я сам отправлюсь в Сильвербридж сказать этому человеку, что не приду к нему.

Затем он встал с кресла и потянулся за шляпой, как будто собирается прямо сейчас идти в Сильвербридж. Тьма за окном была непроглядная, лил холодный дождь, и все же, возможно, лучше бы ему было пойти. Ходьба, свежий воздух, даже сырость и грязь могли бы вернуть его в чувство. Однако жена подумала о трудностях пути, о его худых ботинках, о необходимости беречь одежду. Она помнила, что он с утра ничего не ел и его нельзя оставлять одного. Поэтому она остановила мужа, не дав ему дойти до двери.

– Разумеется, я сделаю, как ты велишь.

– В таком случае напиши, что, если я им нужен, они найдут меня здесь.

– Джосайя, подумай о приходе, о людях, которые тебя уважают. Ради них нельзя, чтобы говорили, что тебя забрала полиция.

– Разве апостола Павла не бросили в узилище? Думал ли он о том, что люди это увидят?

– Будь это необходимо, я безропотно бы тебя поддержала.

– Это необходимо, ропщешь ты или нет. Безропотно! Отчего ты не вопиешь к небесам о человеческой жестокости?

Он ушел в пустую комнату по другую сторону коридора. Жена, последовав за ним через несколько минут, увидела, что он стоит на коленях, прижавшись лбом к полу и запустив руки в редкие волосы. Она часто видела его на том же месте, в том же положении, когда он отчасти молился, отчасти обличал все вокруг – нет, почти все над собой, – но в то же время силился примириться с Богом в покаянии.

Возможно, сейчас ему стало бы легче, если бы он хоть немного смягчился. Она тихонько закрыла дверь, поставила свечу на каминную полку, тихонько опустила на колени рядом с ним и тихонько тронула его руку. Он не шевельнулся, не произнес и слова, но как будто еще сильнее вцепился в свои жидкие волосы. Тогда она, стоя на коленях и сжимая его руку, вслух, но негромко попросила Бога избавить ее мужа от нынешних бедствий. Мистер Кроули дождался, когда она закончит, потом медленно встал. «Тщетно, – сказал он. – Все тщетно. Все тщетно». Затем вернулся в гостиную, снова сел в кресло и просидел за полночь, так и не проронив больше ни слова. Наконец, когда жена сказала, что очень замерзла, и напомнила, что камин прогорел час назад, он, все так же без единого слова, встал и ушел с нею в спальню.

Рано на следующее утро миссис Кроули сказала, что отправляет соседского мальчика с запиской к мистеру Уокеру. Убеждать мужа она больше не смела, но надеялась, что тот передумает, однако он оставил ее слова без внимания. В данную минуту он читал по-гречески с Джейн, вернее, упрекал Джейн за то, что она не хочет читать по-гречески.

– Ой, папенька, – сказала бедная девочка, – не ругай меня сейчас. Я так несчастна из-за всего этого.

– А я разве счастлив? – возразил отец, закрывая книгу. – Господи, чем я против Тебя согрешил, что межи мои прошли по столь ужасным местам?

Письмо мистеру Уокеру отправили. «Он знает свою невиновность, – писала бедная жена, стараясь придумать оправдание получше, – и убежден, что не должен сам предпринимать никаких шагов. Он не станет нанимать адвоката и говорит, если его присутствие в Сильвербридже необходимо, предпочтительно, чтобы за ним послали». Все это она написала, считая, что

должна гордо защищать решение мужа, но не сдержалась и выплеснула отчаяние в короткой приписке: «Поверьте, поверьте, я сделала, что могла!» Мистер Уокер понял все: и горделивый тон записки, и то, как миссис Кроули сломалась в конце.

Утром в четверг, часов в десять, у ворот пасторского дома в Хогглстоке остановилась двуколка; из нее вылезли два человека. Один был в партикулярном платье и держался как солидный господин среднего достатка. Тем не менее то был начальник сильвербриджской полиции. Вторым был полисмен, простой и беспримесный, в том похожем на шлем головном уборе, какие последнее время носят служители порядка, и со всеми прочими полувоенными атрибутами своей профессии. «Уилкинс, – сказал ему начальник полиции, – очень возможно, вы мне понадобится, потому что, говорят, джентльмен очень сумасбродный. Но если я не позову вас, когда выйду, просто откройте дверцу, как слуга, а когда мы сядем, забирайтесь на козлы». И старший полисмен вошел в дом.

Миссис Кроули была уже в чепце и шали, а мистер Кроули сидел в кресле, сгорбившись над огнем.

– Думаю, мне лучше поехать с тобой, – сказала миссис Кроули, как только открылась дверь; она видела в окно, как двуколка остановилась у дома.

– Я попросил бы джентльмена любезно отправиться с нами, – сказал Томпсон. – Я привез для него закрытый экипаж.

– Можно мне с ним? – испуганно спросила жена. – Я хотела бы сопровождать мужа. Он нездоров, сэр, и ему нужна помощь.

Томпсон на мгновение задумался. В двуколке помещались всего двое, а если туда и мог втиснуться третий, Томпсон не стал бы садиться с задержанным и его женой. Мистер Уокер настоятельно просил его быть очень вежливым. На козлы рядом с кучером мог сесть только один человек, а значит, если выполнить просьбу, полисмену придется идти пешком. С другой стороны, прогулка его не убьет.

– Хорошо, мэм, – ответил Томпсон, – то есть если джентльмен пообещает не выходить, пока я не скажу.

– Конечно! Конечно! – воскликнула миссис Кроули.

– Я ничего обещать не буду, – отрезал мистер Кроули.

Лицо у Томпсона вытянулось. Он покачал головой, посмотрел сперва на мужа, потом на жену, передернул плечами, сжал губы и шумно выдохнул, словно хотел выпустить наружу то негодование, в какое привели его слова джентльмена.

Миссис Кроули встала и подошла к нему поближе.

– Примите мое обещание, что он не шелохнется за все время поездки. Поверьте мне. Он считает себя обязанным не уступать ни в чем, поскольку, по его мнению, с ним обошлись жестоко.

– Я не вижу, где тут жестокое обращение. – Томпсон даже подобрался. – Закрытый экипаж и...

– Я пойду пешком! Если меня заставят, я пойду пешком! – выкрикнул мистер Кроули.

– Я не о вас... и не о мистере Уокере, – промолвила несчастная жена. – Вы очень добры. Я о жестокости обстоятельств. Разумеется, он невиновен, и вы должны ему сочувствовать.

– Да, я ему сочувствую, и вам тоже, мэм.

– Это я и имела в виду. Он знает свою невиновность и потому не хочет уступать ни в чем.

– Конечно, он про себя знает, понятное дело. Но ему лучше поехать в экипаже, хотя бы из-за слякоти и дождя.

– Он поедет в экипаже, и я с ним. Вы поместитесь, сэр.

Томпсон глянул на дождь и подумал, что на козлах будет очень холодно. Потом он вспомнил наставления мистера Уокера и сказал себе, что миссис Кроули, несмотря на свою бедность,

дама. И у него возникло неосознанное чувство, что именно из-за бедности она заслуживает участия и заботы.

– Я поеду с кучером, – объявил Томпсон, – но если ваш муж попытается выйти, то лишь заработает себе неприятности.

– Он не выйдет, он не выйдет, – заверила миссис Кроули. – И я благодарю вас от всего сердца.

– Тогда поехали, – сказал Томпсон.

Миссис Кроули подошла к мужу, держа шляпу, оглянувшись, убеждаясь, что на нее не смотрят, надела шляпу ему на голову и потянула его из кресла. Мистер Кроули не сопротивлялся; в прихожей он позволил накинуть себе на плечи висевший там старый плащ, а затем первым сел в двуколку. Жена последовала за ним и не слышала, как Томпсон улеживал своего мирмидонца, говоря тому идти пешком по грязи. Двуколка медленно покатила по дороге, и было уже почти двенадцать, когда она въехала во двор сильвербриджского «Георгия и ястреба».

Хотя у Сильвербриджа был мэр, муниципалитет и собственный депутат парламента, там не было здания суда, и мировые судьи вынужденно заседали в зале «Георгия и ястреба», там же, где устраивали балы и проходили собрания западнобарсетширских франкмасонов. Сильвербридж, безусловно, очень стыдился своей отсталости, однако до сих пор никто не принял мер к исправлению зла. Итак, Томпсон и его двуколка въехали в гостиничный двор, и мистера Кроули с женой проводили в маленький номер рядом с залом, где уже собрались мировые судьи.

– Тут камин затоплен, и вы можете немного согреться, – сказал Томпсон (сам он трясся от холода). – Когда джентльмены будут готовы, я за вами приду.

– Мне можно пойти с ним? – спросила миссис Кроули.

– Я поставлю для вас стул в конце стола, рядом с ним, – пообещал Томпсон. – Можете тихонько войти и никому ничего не говорить.

И он отправился к мировым судьям.

Мистер Кроули не произнес ни слова с тех пор, как сел в экипаж. Миссис Кроули тоже по большей части молчала, просто сидела рядом, держа его руку в своих. Теперь муж заговорил с ней.

– Где мы? – спросил он.

– В Сильвербридже, дорогой.

– Что это за комната? И почему мы здесь?

– Мы ждем, когда мировые судьи будут готовы. Они в соседней комнате.

– Это же гостиница?

– Да, дорогой, это гостиница.

– И я вижу снаружи толпу народа.

Снаружи и впрямь собралась толпа. Люди стояли во дворе и у крыльца, общий зал заполнили охотники поглазеть на священника, укравшего двадцать фунтов, и услышать решение мирового суда. Оправдательного вердикта никто не ждал, но оставался вопрос: выпустят ли под залог и кто будут поручители?

– Зачем они все здесь? – спросил мистер Кроули.

– Полагаю, так всегда бывает, когда собирается мировой суд.

– Они пришли увидеть позор священника и не разочаруются, – сказал он.

– Ничто не позорит, кроме вины, – возразила его жена.

– Позорит несчастье, позорит нищета. Позорит бремя настолько непосильное, что человек падает и не может подняться. Они пришли посмотреть на меня, будто я загнанный зверь.

– Это всего лишь их обычай в такие дни.

– Не каждый раз у них на глазах судят священника.

Некоторое время он молчал, а жена растирала ему замерзшие руки.

– Лучше бы я умер, прежде чем до такого дошло! Лучше бы я умер!
– Дорогой, разве мы не должны сносить все, что Господь нам посылает?
– Лучше бы я умер! – повторил он. – Это бремя для меня непосильно, и я хотел бы умереть!

Довольно долго они ждали. Наконец Томпсон вернулся и пригласил их в большое помещение. Мистер Кроули вцепился в стул, как будто решил не идти, однако жена шепнула ему словечко, и ее он послушался.

– За мной он пойдет, – сказала она полицейскому.

И так они вошли из маленького помещения в большое: впереди Томпсон, за ним миссис Кроули под опущенной вуалью, а за ней несчастный, глядя в пол и сцепив руки перед грудью. Поначалу он ничего не видел и, когда его усадили на стул, толком не понимал, где находится. Она с большей смелостью огляделась сквозь вуаль. В конце длинного стола, застеленного зеленым сукном, сидели шесть или семь джентльменов, а по обе его стороны и по всей комнате толпились люди. Мужа ее усадили в другом конце стола, ближе к углу, а сразу за углом – поближе к мужу – поставили стул для нее. По левую руку от него стоял пустой стул для адвоката.

В заседании участвовали пять мировых судей. Председательствовал лорд Лофтон из Фрамли – красивый, еще молодой, очень популярный в графстве. На злополучном чеке стояла его подпись, поэтому он поначалу думал не участвовать в заседании, но мистер Уокер, желая заполучить лорда Лофтона в состав судей, переубедил его, сказав, что сам он денежного ущерба не понес. Чек если и украден, то не у него. Он не истец.

– Да уж, клянусь Богом! – воскликнул лорд Лофтон. – Если бы я мог замять дело, то так бы сразу и сделал!

– Этого вы не можете, милорд, но вы можете помочь нам на заседании, – ответил мистер Уокер.

Еще в числе судей был Досточтимый Джордж Де Курси, брат лорда Де Курси из замка Курси. В отличие от старшего брата он жил в графстве и старался благоразумным поведением блюсти семейную репутацию. Большим умом он не отличался, но как мировой судья показал себя очень хорошо, поскольку молчал, держал глаза открытыми и в таких делах, как нынешнее, во всем слушался мистера Уокера. Присутствовал также доктор Темпест, ректор прихода и мировой судья в одном лице. Многие в Сильвербридже утверждали, что доктору Темпесту не следовало участвовать в суде над собратом, но доктора Темпеста давно не занимало, что о нем думают в Сильвербридже. Он настолько привык к всеобщей неприязни, что получал от нее своего рода удовольствие и гордился своей непопулярностью. На слова мистера Уокера, что он, возможно, пропустит заседание, доктор Темпест ответил презрительным смехом. «Конечно, я приду, – сказал он. – Меня занимает дело, очень занимает. Конечно, я приду». И не будь здесь лорда Лофтона, он бы занял председательское место. Четвертым был мистер Фодергилл, порученец герцога Омниума, крупнейшего местного землевладельца. Мистер Фодергилл был самым деятельным мировым судьей в этой части графства. Человек ушлый, он вряд ли был предрасположен в пользу священника. Пятым был доктор Торн из Чолдикотса, джентльмен, чье имя на этих страницах уже упоминалось. Много лет он практиковал в отдаленной деревушке, но так вышло, что он уже в немолодых годах стал мужем богатейшей наследницы, на чьи деньги были куплены у Соуэрби древняя усадьба и поместье Чолдикотс. С тех пор доктор Торн честно исполнял обязанности сельского джентльмена, не без некоторых, впрочем, трений между ним и людьми герцога.

Чолдикотс граничил с владениями герцога, и тот выразил желание его купить. Когда поместье уплыло из герцогских рук и попало в руки доктора Торна – вернее, жены доктора Торна, – мистеру Фодергиллу пришлось выслушать от его светлости много неприятных слов. С тех пор между людьми герцога и обитателями Чолдикотса не всегда все было гладко. По слухам, мистер Торн намеревался баллотироваться в парламент, что тоже не способствовало

миру. По правую руку от лорда Лофтона сидели лорд Джордж и мистер Фодергилл, за мистером Фодергиллом – мистер Уокер, а за мистером Уокером – его клерк. По левую руку от председателя расположились доктор Темпест и доктор Торн, а чуть дальше – мистер Захария Уинтроп, секретарь мирового суда. Многие в Сильвербридже находили это неправильным, поскольку мистер Уинтроп был компаньоном мистера Уокера, которого мировые судьи приглашали всякий раз, как возникала потребность в стряпчем. Мистер Уокер, впрочем, не обращал на эти пересуды никакого внимания. В Сильвербридже он был настолько всевластен, что не боялся никого и ничего.

В зале было много других джентльменов, в том числе знавших мистера Кроули более или менее близко. Он, впрочем, никого не замечал, и, когда один действительно очень близкий знакомый подошел сзади и, склонившись над спинкой стула, заговорил с несчастным, тот как будто его не узнал.

– Я уверен, ваш муж не мог меня забыть, – сказал мистер Робартс, священник Фрамлейского прихода, протягивая миссис Кроули руку за спинкой стула, на котором сидел ее муж.

– Нет, мистер Робартс, он вас не забыл. Но сейчас вы должны его извинить, он немного не в себе. Для священника тяжело оказаться в таком положении.

– Вполне понимаю, но я объясню вам, зачем пришел. Надеюсь, слушание положит недоумению конец, но, если этого не случится, возможно, зайдет речь о том, чтобы отпустить его на поруки. Я мало что в этом смыслю, да и вы, полагаю, тоже, но, если об этом заговорят, пусть мистер Кроули назовет меня. Лучше всего, чтобы это сделал собрат-священник, и со мной будет еще один джентльмен.

И он отошел, не дожидаясь ответа.

В то же самое время мистер Уокер беседовал с другим адвокатом, стоящим позади него, мистером Мейсоном.

– Я подойду к нему и попытаюсь все устроить, – сказал Уокер.

Итак, мистер Уокер сел на пустой стул рядом с мистером Кроули и попытался объяснить несчастному, что лучше бы тот позволил мистеру Мейсону ему помочь.

Мистер Кроули вроде бы внимательно все выслушал, затем резко повернулся к стряпчему.

– Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, – произнес он так громко, что все в комнате услышали его слова. – Я невиновен. Зачем мне помощь? Да мне и нечем было бы за нее заплатить.

Мистер Мейсон шагнул было вперед, намереваясь объяснить, что это не преграда, но его остановила дальнейшая речь мистера Кроули.

– Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, – сказал тот, вставая и только сейчас обнажая голову. – Делайте, что должны.

После этого он не садился до конца слушаний, хотя лорд Лофтон не раз приглашал его сесть.

Нам нет надобности приводить все показания по делу. Подтвердили, что деньги по чеку выдали посланцу мистера Кроули и тот вручил их мистеру Кроули. Когда в цепочке доказательств того, что мистер Кроули подписал чек, отправил посланца и взял деньги, случилась заминка, священник утратил терпение.

– Для чего вы мучаете его вопросами? Чек был у меня, я его отправил, я получил деньги. Разве кто-нибудь это отрицает? Чего ради вы сбиваете несчастного с толку?

Затем показания дали мистер Сомс и банковский управляющий. После того как чек вернули из лондонского банка, было начато расследование. На первых порах оба не сомневались, что мистер Кроули разъяснит вопрос, но его объяснение оказалось ложным. Доказано, что мистер Сомс не расплачивался с ним этим чеком. Тут мистер Кроули покачал головой и нетерпеливо воскликнул:

– Тогда я ошибся. Конечно, я ошибся. Я думал, что это так, и так сказал. Я плохо считаю деньги и не запоминаю сумм, но, когда мне указали на ошибку, я ее увидел и сразу признал.

До сих пор он говорил не только смело, но и разумно. Жена начала уже надеяться, что от значимости происходящего рассудок у него просветлеет и он еще сможет оправдаться по ходу слушаний. Далее свидетели сообщили: мистер Кроули, когда первое его утверждение опровергли, заявил, что чек дал ему настоятель Эйрбин. Мистер Уокер показал, что обратился за разъяснением к настоятелю, который сейчас путешествует за границей. Настоятель в письме ответил, что дал другу пятьдесят фунтов. Расследование установило, что купюрами, составлявшими эту сумму, мистер Кроули расплатился с торговцами значительно раньше и они никак не связаны с чеком или деньгами, полученными по чеку в банке.

Мистер Сомс сообщил, что точно потерял бумажник в тот день, когда приезжал к мистеру Кроули в Хогглсток, и обнаружил пропажу по пути из Хогглстока в Барчестер. Тогда он вспомнил, что вынимал бумажник в комнате мистера Кроули, и в ту минуту был уверен, что забыл его у священника в доме. Он написал мистеру Кроули и получил в ответ заверения, что там ничего не находили. Больше ничего ценного в бумажнике не было – только несколько визитных карточек и список дел, поэтому он заблокировал чек в лондонском банке и забыл о нем думать.

Мистер Кроули перед мировыми судьями

Тогда мистера Кроули попросили объяснить, как чек оказался у него. Первым этот вопрос задал лорд Лофтон, но мистер Уокер скоро взял дело в свои руки и повел его со всей возможной мягкостью. Не может ли мистер Кроули вспомнить, как чек к нему попал и сколько времени у него пробыл? Тот ответил сперва на второй вопрос. «Он был у меня много месяцев». А почему мистер Кроули не разменял чек раньше? Прежде чем ответить, мистер Кроули сурово, почти яростно оглядел комнату, задерживая взгляд почти на каждом лице. Потом заговорил: «Стыд не позволял мне его тратить, а затем стыд вынудил пустить его в ход». В истинности этих слов никто не усомнился.

Мистер Уокер повторил другой вопрос. Тогда мистер Кроули воздел руки и, возвысив голос, поклялся Спасителем, на Которого уповает, что не знает, как деньги к нему попали. В

таком случае почему он утверждал, будто получил чек от настоятеля? Он так думал. Настоятель отдал ему деньги в конверте, «дабы прикосновение к ним не усугубляло мой позор от принятия милостыни», – произнес несчастный, обнажая свою мучительную тайну. Он не видел денег настоятеля, когда их получил, и потому думал, что чек лежал с ними в конверте. Ничего больше он сказать не мог.

Затем мировые судьи посоветовались с мистером Уокером. Мистер Уокер считал, что им ничего не остается, кроме как передать дело в суд. На это возразили сперва лорд Лофтон, затем доктор Торн.

– Я совершенно убежден, что он действительно не знает, откуда взялся чек, – сказал лорд Лофтон.

– И я уверен, – присовокупил доктор Торн.

Лорд Джордж заметил, что в жизни не сталкивался с таким странным делом. Доктор Темпест только покачал головой. Мистер Фодергилл возразил: даже если допустить, что джентльмен сказал правду, это не значит, что установлена его невиновность. Чек был у джентльмена, и джентльмен должен объяснить, как им завладел. Даже если допустить, что джентльмен нашел чек у себя дома – а это довольно правдоподобно, – у него не было права разменять этот чек и употребить полученные деньги на свои цели. Мистер Уокер сказал, что мистер Фодергилл прав и мистера Кроули может извинить только умопомешательство.

– Не понимаю отчего, – заметил лорд Лофтон. – У меня может быть много бумажных денег, и я, хоть убей, не скажу, откуда они взялись.

– Однако в случае расследования, милорд, вы должны будете объяснить, как их получили, – сказал мистер Фодергилл.

Лорд Лофтон недолюбливал мистера Фодергилла и не желал слушать его указаний. Он повернулся к герцогскому порученцу спиной, но сдался тремя минутами позже, когда те же указания повторил мистер Уокер.

Мистер Кроули снова сел и, пока шло обсуждение, сидел сгорбившись и закрыв лицо руками. Миссис Кроули сидела рядом, не в силах ему помочь, только иногда касалась его рукой и, не поднимая вуаль, ждала решения мировых судей. Наконец мистер Уокер шепотом сообщил ей – и ему – это решение. Дело будет передано на ближайшую сессию выездного суда, которая состоится в Барчестере в апреле, но мистера Кроули отпустят на поруки, если два джентльмена подпишут залоговое обязательство на двести пятьдесят фунтов каждый, а сам он – на пятьсот фунтов. Дальше мистер Уокер объяснил, что документ составляют и поручители нашлись. Ими вызвались стать преподобный мистер Робартс и майор Грантли. Через пять минут обязательство подписали, и мистер Кроули вышел из зала свободным – до выездной сессии в апреле.

Все это время мистер Кроули едва ли понимал происходящее, а миссис Кроули понимала очень мало. Правда, она все же поблагодарила мистера Робартса и попросила передать ее признательность... другому джентльмену. Если она и слышала раньше имя майора, то сейчас его не вспомнила. Их отвели обратно в гостиничный номер, где ждала миссис Уокер. Ей очень хотелось утешить несчастных мужа и жену, но какие тут могли быть утешения? Им принесли чай, сэндвичи из гостиничных припасов, на столе стоял херес в гостиничном графине. Однако оба не могли ни есть, ни пить.

Домой их отправили двуколкой в сопровождении мистера Томпсона, и по пути миссис Кроули сказала мужу:

– Джосайя, выход еще может найтись, только не отчаивайся и верь.

– Выход есть, – ответил он. – Есть только один выход.

Остаток дороги она молчала, а про себя решила, что не будет спускать с него глаз даже и на минуту, а когда наконец ввела мужа в гостиную, то обняла его и поцеловала.

Глава IX. Грейс Кроули едет в Оллингтон

О решении мирового суда Грейс Кроули узнала в тот же вечер от старшей мисс Приттимен. Мисс Анна услышала новости через пять минут после того, как поручители подписали залоговое обязательство, и бросилась к сестре.

– Признали виновным! Осудили, или как это называется, потому что он не сумел ответить, откуда чек.

– Ты же не хочешь сказать, что его отправили в тюрьму?

– Нет, не в тюрьму, то есть пока что не в тюрьму. Я ничего не поняла, но его будут снова судить на выездной сессии. Сейчас его отпустили на поруки. Ручатель – майор Грантли... он и мистер Робартс. По-моему, это замечательно с его стороны.

Безусловно, известие, что мистера Кроули не оправдали вчистую, а осудили на публичный процесс, привело мисс Анну Приттимен в приятное волнение. Тем не менее она бы сделала все, что в ее силах, для спасения Грейс Кроули или даже ее отца. Тут надо объяснить, что мисс Анна Приттимен, как считалось, особенно хорошо читала ученицам римскую историю, но при том ничего не смыслила в законах собственной страны.

– Отдали под суд, – недовольно поправила ее сестра. – Не осудили. Если б осудили, то не выпустили бы на поруки.

– Ничего в этом не понимаю, Аннабелла, но, по крайней мере, майор Грантли станет поручителем и будет еще один суд в Барчестере.

– По уголовному делу не может быть больше одного суда, – сказала мисс Приттимен, – если только мнение присяжных не разделится. Полагаю, его будут судить на выездной сессии.

– Да-да, именно так.

Если бы лорд Лофтон исполнял обязанности лектора, а Томпсон нес фасции, мисс Анна лучше бы понимала происходящее.

Печальные известия не сообщали Грейс до вечера. Миссис Кроули после слушаний охотно заехала бы в школу повидать дочь, но чувствовала, что не может этого сделать, пока у нее на руках муж. Отец, конечно, повидался бы с дочерью, если бы ему предложили, но это вылилось бы в еще одну ужасную сцену, и мать, взвесив все, решила ехать прямо домой. Мисс Приттимен постаралась убедить бедную Грейс, будто дело в целом пока идет благоприятно – насколько могла представить события таким образом, не прибегая ко лжи.

– Все разрешится на выездной сессии в апреле, – сказала она.

– А что до тех пор будет с папенькой?

– Твой папенька будет дома, как всегда. Ему надо к кому-нибудь обратиться. Я уверена, найми он адвоката, все уже осталось бы позади.

– Но это так жестоко, что ему вообще может понадобиться адвокат!

– Милая моя Грейс, мир жесток.

– Отчего-то он всегда более жесток к папеньке и маменьке, чем ко всем остальным.

На это мисс Приттимен ответила что-то мудрое и в то же время доброе. Грейс, у которой в глазах стояли слезы, не стала спорить или соглашаться, а только повторила, что ей надо вернуться домой.

– Я не могу здесь остаться, мисс Приттимен. Я так несчастна.

– Будешь ли ты счастливой дома?

– Там мне легче будет это снести.

По утешениям всех вокруг, по чрезмерной доброте учениц, по словам, которые роняла прислуга, бедная девушка вскоре поняла, что, насколько решение принято, ее отца признали виновным. «Говорят, мисс, это только оттого, что у него не было адвоката», – сказала экономка. Если такие добрые люди, как лорд Лофтон и мистер Уокер, признали его виновным, чего ждать от сурового лондонского судьи, не знающего ее бедного отца с его странностями, и двенадцати присяжных – барчестерских лавочников? Это убьет отца, а затем и мать, а после ее саму. И Грейс знала, что денег в доме нет. В школе она получала три фунта в месяц и последние два месяца отсылала их матери. И все же, как ни хотела Грейс зарабатывать, она не находила в себе сил преподавать. И она, и мисс Приттимен признали, что сейчас это невозможно. Она уедет домой и умрет вместе во всеми. Ни для нее, ни для ее близких надежды больше нет. Ее отца обвинили в краже – отца, которого она знала как честнейшего человека и одного из самых ревностных слуг Божьих. Его обвинили в мелкой краже, и мировые судьи, юристы и полицейские между собой решили, что обвинение справедливо! Как ей после этого смотреть девочкам в лицо, как держаться с другими учительницами?

На следующее утро доставили письмо от мисс Лили Дейл, и Грейс вновь пошла к мисс Приттимен. Она повторила, что должна уехать. Ей надо хотя бы повидаться с матерью. Не могла бы мисс Приттимен любезно отправить ее домой?

– У меня нет и шести пенсов заплатить за дорогу, – сказала она, заливаясь слезами, – и я не имею права у вас просить.

На это мисс Приттимен ответила прямой ложью. Они должны Грейс столько денег! За то, за другое, за третье! Десяти фунтов едва ли хватит, чтобы покрыть долг.

– Никто мне ничего не должен, но если бы вы одолжили мне пять шиллингов! – с болью выговорила Грейс.

Мисс Приттимен, преодолевая это затруднение, думала о майоре Грантли и его любви. Она понимала, что сейчас девочке его любовь не поможет. Если бы в понедельник она устро-

ила им встречу, Грейс ничего бы ему не сказала. Да им и не подобало встречаться в такое время. Однако в глазах мисс Приттимен майор Грантли был миллионером – все знали, как богат архидьякон, – и она с сожалением думала, что бедняжка Грейс вынуждена просить пять шиллингов.

– По крайней мере, о деньгах не думай, – сказала она. – Что значат лишние фунт-два между тобой и мной, дорогая? Мне почти обидно такое от тебя слышать. Что за письмо у тебя в руке?

Тогда Грейс объяснила, что не хочет показывать письмо от мисс Дейл, но та приглашает ее в Оллингтон.

– Поезжай обязательно, – сказала мисс Приттимен. – Так будет лучше всего и для тебя, и для твоей матери.

Наконец решили, что Грейс поедет к подруге в Оллингтон. Она вернулась домой на день или два и убедила мать принять от ее имени приглашение. В Хогглстоке тем временем возникли новые напасти, о которых читатель скоро узнает, но тут Грейс ничем матери помочь не могла, и, как станет ясно из дальнейшего, напасти эти благотворно сказались на мистере Кроули, ибо побудили его к действиям, что само по себе было ему полезно.

– Думаю, лучше, что ты уезжаешь, – сказала мать.

Перед этим она впервые услышала от бедной Грейс все, что та могла сказать о майоре Грантли. До тех пор Грейс лишь вскользь упоминала его как джентльмена, с которым познакомилась во Фрамли и которого описывала как очень приятного человека.

Давным-давно Люси Робартс, нынешняя леди Лофтон, сестра фрамлейского пастора подобного Марка Робартса, прожила некоторое время у мистера Кроули в Хогглстоке. Причиной тому были особые обстоятельства, о которых здесь рассказывать незачем. Тогда мисс Робартс обещала себе, что в будущем многое сделает для этой семьи. Увы, сделать многое оказалось очень трудно. И даже сделать хоть что-нибудь оказалось очень трудно из-за опрометчивости лорда Лофтона. Лорд Лофтон предложил мистеру Кроули финансовую помощь, которую мистер Кроули с гневом отверг. Кто ему лорд Лофтон, что смеет предлагать свои жалкие деньги? Однако через некоторое время леди Лофтон с изрядной изобретательностью уговорила жену своего брата пригласить Грейс Кроули в гости, и там Грейс жила на каникулах перед началом нашего повествования. Во Фрамли она и познакомилась с майором Грантли, гостившим у лорда Лофтона. Тогда-то она и заметила при матери, что майор Грантли – очень приятный человек, и мать подумала, как жаль, что ее дочь, тоже очень приятная, лишена тех преимуществ, какие дает полный кошелек. Миссис Кроули совершенно об этом забыла, но теперь ей пришлось вспомнить.

– Я не совсем понимаю, зачем он в понедельник приходил к мисс Приттимен, – сказала Грейс. – Он с ней почти незнаком.

– По делу, наверное, – ответила миссис Кроули.

– Нет, маменька, не по делу.

– Откуда ты знаешь, дорогая?

– Потому что мисс Приттимен сказала, он приходил... приходил справиться обо мне. О маменька, я должна тебе рассказать. Я знаю, что нравилась ему.

– Он когда-нибудь тебе об этом говорил, дорогая?

– Да, маменька.

– А что ты ему отвечала?

– Я ничего ему не сказала, маменька.

– А в понедельник он просил с тобой увидеться?

– Нет, маменька, вряд ли. Думаю, он очень хорошо все понял, потому что я не могла бы с ним тогда говорить.

Миссис Кроули не стала ее больше расспрашивать, но про себя решила, что сейчас дочери лучше держаться подальше от их несчастного дома. Если девочке суждено вырваться из череды бедствий, которые одно за другим неотвратимо рушатся на ее мужа, на нее, на всю семью; если Грейс и впрямь написан на роду этот брак, ей следует бывать дома как можно реже. О майоре Грантли миссис Кроули слышала только хорошее, но знала, что Грантли богаты и заносчивы. Вряд ли архидьяконский сын захочет взять жену непосредственно из Хогглстока.

Решили, что Грейс поедет в Оллингтон, как только оттуда придет ответ на ее письмо, и на третье утро после возвращения домой она тронулась в путь. Лишь тот, кто принадлежит к благородному сословию и притом изведal нужду – такую нужду, когда негде добыть шиллинг, – знает ее горечь. Нужда настоящих бедняков не столь мучительна – вернее, ее мучения совершенно иного сорта. Голод, холод, страх оказаться на улице – жесточайшие испытания, какие могут выпасть человеку; они угрожают жизни, а если не жизни, то свободе, принуждая выбирать между тюрьмой и голодной смертью. Обычный бедняк если и не доходит до таких крайностей, постоянно чувствует их угрозу. Бедный джентльмен или бедная дама, как бы они ни нуждались, редко оказываются в работном доме. Бывает и такое, но это редчайшие исключения. У миссис Кроули, при всех ее лишениях, хлебница и буфет не бывали совершенно пусты. Однако есть такие терзания, когда кажется, что лучше уж голодать. Злые глаза торговцев, когда не можешь оплатить счет и знаешь, что их гнев справедлив; упреки несчастной служанки, давно не получавшей жалованье, вынужденный отказ от привычек, которые в прежние годы стали второй натурой, запавшие щеки жены, чей недуг требует вина, обноски мужа, чья профессия требует выглядеть прилично, брошенные дети, которые не учатся быть детьми джентльмена, и, что хуже всего, скудные подачки друзей, постепенная утрата гордости или гордость, которая не хочет смиряться, растущие сомнения, не лучше ли признать перед всем миром, что гордости не осталось, что ладонь раскрыта для подаяния, а спина готова сгибаться в поклоне, что падение на нижнюю ступень завершилось, – таковы терзания бедности, из-за которых кроули сего мира часто думают о последнем средстве избавления от мук. Было решено, что Грейс поедет в Оллингтон – но как быть с одеждой? И где взять денег на дорогу?

– Вряд ли кого-нибудь в Оллингентоне смутит мое платье. Они там живут очень скромно.

– Ты сама говорила, мисс Дейл одевается с большим вкусом.

– Да, но перед ней я буду смущаться меньше, чем перед ее матушкой, потому что Лили знает все. Я все ей рассказала.

– Да еще ты отдала мне все свои деньги, милая.

– Мисс Приттимен велела мне приехать к ней, – сказала Грейс.

Она и раньше брала у директрисы небольшие суммы, которые тут же уходили матери и тратились на домашние нужды.

– Она хочет, чтобы я поехала в Оллингтон, и, конечно, я буду у нее, потому что ехать все равно через Сильвербридж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.